ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 38 (3067) Суббота, 28 марта 1953 г. Цена 40 коп.

ГОРЬКОВСКИЕ ДНИ В СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

Вся великая наша советская Отчизна чтит светлую память Алексея Максимовича Горького. Нет такого города, поселка, села, раскинуты ли они на безбрежных просторах русских и украинских равнин, в степях Казахстана или в горах Кавказа, Памира, Карпат, нет такого населенного пункта, имеющего свой клуб, библиотеку или скромную читальню, где в эти дни не собирались бы советские люди на горьковский вечер, беседу, к стендам горьковских выставок.

Нет, пожалуй, в нашей стране семьи, на книжной полке которой не стояли бы бесценные произведения самого любимого из любимейших писателей, гениального художника слова, заложившего основы всей советской литературы. Литературное наследие А. М. Горького — от рассказа «Макар Чудра», изданного еще в конце прошлого века, до эпопеи «Жизнь Клима Самгина» — разошлось у нас невиданным для художественной литературы тиражом — свыше 72 миллионов 500 тысяч экземпляров! Каждый советский человек может прочесть их на своем родном языке — они переведены на 70 языков. 148 раз, почти четырехмиллионным тиражом, вышла «Мать», 116 раз — «Детство» и 81 раз — «Мои университеты». Полностью разошлась подписка на последнее тридцатитомное собрание сочинений, хотя выходит оно трехсоттысячным тиражом.

Слово Горького любимо всеми советскими людьми потому, что оно воспитывает в каждом любовь к Родине, к великой партии коммунистов, зовет к неустанному труду на благо народа, во имя торжества коммунизма. Об этом говорили участники многочисленных заседаний, вечеров, бесед, организованных в связи с исполняющейся сегодня 85-й годовщиной со дня рождения А. М. Горького. В горьковские дни новыми тиражами выходят и быстро раскупаются его книги, открыты тысячи и тысячи выставок, многолюдно в литературных музеях и местах, связанных с жизнью и творчеством великого писателя.

НА РОДИНЕ ПИСАТЕЛЯ

Жители города Горького — родины великого писателя — широко отмечают 85-ю годовщину со дня рождения своего знаменитого земляка. Повсюду — на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, клубах — проходят лекции, литературные вечера, беседы, созданы выставки, книжные витрины. Краеведы и работники культурно-просветительных учреждений проводят экскурсии по горьковским местам.

Особенно большой приток экскурсантов в «Домик Каширина», где провел свое детство Алеша Пешков. Многолюдно в эти дни и в Литературном музее имени А. М. Горького, в залах которого хранятся тысячи драгоценных рукописей, дарственных книг, картин, редких фотографий и других экспонатов. В музее открылись два новых отдела: «Горький — великий борец за мир и демократию» и «Творческое наследие А. М. Горького». На световой карте отмечены места, где издавались его произведения.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

Горьковские дни проходят по всей Украине. В связи с огромным спросом на книги А. М. Горького снова вышли массовыми тиражами на украинском языке «Бывшие люди», «Коновалов», сборник избранных произведений, в который включены: «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике», «Девушка и Смерть», «Макар Чудра», «Старуха Изергиль» и другие произведения. Изданы первые пять томов 16-томного собрания сочинений. Всего в послевоенные годы произведения А. М. Горького вышли на Украине тиражом, превышающим миллион экземпляров.

Повсюду читаются лекции, организуются литературные вечера, проводятся беседы. Многолюдно в литературных музеях. Много посетителей в Черниговском мемориальном музее М. Коцюбинского, где находится ценное собрание экспонатов, рассказывающих о дружбе Горького и Коцюбинского; во Львовском мемориально-литературном музее И. Франко, стенды которого показывают огромное влияние, оказанное Горьким на украинскую литературу, и на специальной книжно-иллюстративной выставке памяти А. М. Горького, открытой в Харьковской государственной научной библиотеке имени Короленко.

ДОКУМЕНТЫ ПРОШЛОГО

В Институте языка и литературы Академии наук Латвийской ССР проведена в эти дни разработка архивных материалов, касающихся пребывания А. М. Горького в Риге. Как известно, в зимнем сезоне 1904/05 года Рижский русский драматический театр принял к постановке пьесу «Дачники». Горький лично руководил подготовкой спектакля. В начале ноября «Дачники» были впервые поставлены в Петербурге, а 30 ноября — в Риге. Все билеты были проданы задолго до начала представления. После первого же действия, встреченный овациями, Горький был увенчан лавровым венком. Писатель снова приехал в Ригу после январских событий 1905 года, но в день приезда был арестован, препровожден в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. Установлено, что пока в квартире писателя шел обыск, его сосед успел добежать до Рижского политехнического института. Большая группа студентов направилась к квартире Горького, чтобы отбить его у полиции, но опоздала — писатель был увезен полицейскими. Когда писатель был выпущен из Петропавловской крепости, он опять приехал в Ригу. А. М. Горький, занимаясь творческой работой, находил время для встреч с прогрессивными рижскими деятелями того времени, со студентами политехнического института, с работниками театров, с рыбаками Рижского взморья.

ШАХТА ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

Одна из старейших шахт Донбасса носит имя А. М. Горького. Здесь, в библиотеке и общежитиях, проводятся горьковские чтения, организованы выставки книг. На самом видном месте вывешен текст телеграммы, присланной горнякам 19 лет назад писателем. Алексей Максимович писал о большом счастье жить в эпоху гигантского роста пролетариата, о большой радости видеть сказочные результаты его труда, о том, что он гордится успехами горняков шахты имени Горького и желает им здоровья и новых побед.

Великий русский писатель

К 85-летию со дня рождения А. М. Горького

«Меня сегодня назвали счастливым человеком. Это правильно, перед вами действительно счастливый человек, в жизни которого осуществились лучшие его мечтания, лучшие его надежды».

В этих словах Горького отражены великая правда и великое значение Октябрьской революции, раскрепостившей трудовой народ и открывшей широкий простор процветанию родной страны, революции, сделавшей счастливыми многомиллионные массы трудящихся. Писатель выдающегося таланта, писатель, которого еще в 1901 году Ленин назвал «европейски знаменитым», Горький только в советское время мог считать себя человеком по-настоящему счастливым, ибо вся его жизнь — этот великий подвиг служения народу — была неразрывно связана с судьбой трудовых масс, все его творчество было пламенным гимном человеку труда, по праву единственному хозяину земли.

«Если бы я был критиком и писал книгу о Максиме Горьком, я бы сказал в ней, что сила, которая сделала Горького тем, что он есть, каким он стоит перед вами... заключается в том, товарищи, что он первый в русской литературе и, может быть, первый в жизни вот так, лично, понял величайшее значение труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире», — говорил Горький.

Любовь к человеку-творцу, чьими руками создано и создается все ценное на земле; ненависть к тунеядцам, живущим за счет чужого труда, эксплуатирующим трудящихся во имя собственного безграничного обогащения; понимание облагораживающей роли труда и разлагающего влияния эксплуататорского, капиталистического строя — таковы характерные черты и ранних рассказов Горького и его последних произведений, таковы главные мысли и чувства великого революционного гуманиста. Пройдя суровую жизненную школу и испытав на себе самом «свинцовые мерзости» капитализма, глубоко познав жестокую участь «низов» народа, людей забитых и угнетенных, замученных подневольным трудом, Горький пришел в ряды бойцов революции, к социалистической идеологии своими особыми путями, но с сердцем, полным жгучей ненависти к капиталистическому строю, с беззаветной верой в торжество коммунизма.

Крылатые слова: «Человек — это звучит гордо!», сказанные великим гуманистом еще в начале века, преисполнены сегодня особенно большого смысла и значения в нашем социалистическом обществе, основным экономическим законом которого является максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества, и где благо человека, процветание народа стоят в центре внимания партии и государства.

Самой природой социалистического общества определяется основное, главное направление литературы социалистического реализма, призванной отобразить богатый и многогранный духовный облик человека нового типа.

«Социалистический реализм, — говорил Горький, — утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных особенностей человека, ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю, как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью».

Произведения А. М. Горького — от ранних рассказов и газетных фельетонов до завершающей эпопеи «Жизнь Клима Самгина» и публицистики последних лет — отмечены двумя определяющими чертами: с одной стороны, писатель показывает внутреннюю красоту и силу, благородство и мужество людей из народа, с другой, — он страстно обличает звериный облик капитализма.

Глубокая уверенность в победе революции, которая дает простор развитию лучших человеческих возможностей и стремлений, обусловила великий оптимизм Горького и породила то непреоборимое чувство нового, которым проникнуто все его творчество. Понимание закономерности торжества того нового, прогрессивного, что зарождается и неодолимо растет, побеждая и уничтожая устои рабства и лжи, обусловило жизнеутверждающую силу произведений великого писателя, вооружило его умением предвидеть прекрасное будущее освобожденного человечества.

Непосредственное участие в революционном движении, близость к великим вождям — Ленину и Сталину — оказали решающее влияние на все творческое развитие писателя, навсегда определили его идейное направление. С огромной любовью и уважением к его могучему таланту партия заботливо растила и воспитывала писателя, который всем ходом истории был подготовлен для того, чтобы стать родоначальником новой эпохи в искусстве — эпохи социалистического реализма.

Начавшаяся в 1905 году личная дружба с Лениным плодотворно сказалась на всей деятельности писателя. Непревзойденным образцом мудрой воспитательной работы, высокой требовательности и бережной заботы являются известные письма Ленина Горькому. Великий вождь и учитель сурово критиковал писателя за проповедь богостроительства, раскрывая политический смысл допущенных Горьким серьезных идейных ошибок, твердо направляя писателя и терпеливо объясняя ему его заблуждения.

Коммунистическая партия, Ленин и Сталин помогли Горькому преодолеть серьезные ошибки и в дореволюционные годы, и в 1917 году, когда писатель переоценивал роль интеллигенции в революции. Мелкобуржуазные шатания Горького были подвергнуты суровой критике в статье Сталина «Окружили мя тельцы мнози тучны». Сталин, как и Ленин, относился с величайшим вниманием к великому пролетарскому писателю, высоко ценил его огромную деятельность, поддерживал и помогал осуществить многие общественные начинания Горького.

Замечательна дружба великих вождей революции с Горьким. Высоко ценя публицистическое мастерство Горького, Ленин мечтал привлечь Алексея Максимовича к постоянному сотрудничеству в «Пролетарии», хотел поручить ему литературно-критический отдел и считал, что «партийная работа от этого массу выиграет». И в то же время как осторожно, с какой большой заботливостью, с каким хозяйским отношением к творческому труду Горького он просил А. В. Луначарского наладить это сотрудничество только в том случае, если «мы не повредим работе Ал. М—ча».

Горький развивался как художник в эпоху нарастания и подготовки, в эпоху победы и торжества Великой социалистической революции. Отражение сложных и противоречивых процессов этой величайшей эпохи в истории человечества, беззаветное служение передовым, революционным силам этой эпохи, страстная борьба за осуществление коммунистических идеалов — вот что сделало творчество Горького подлинно новаторским и глубоко народным, вот что обусловило всемирно-историческую роль Горького, как основоположника социалистического реализма.

От тех лет, когда молодой, еще неведомый миру Алексей Пешков странствовал по Руси, до того времени, когда М. Горький стал общепризнанным руководителем и организатором литературной жизни в нашей стране, сквозь все долгие годы великий писатель пронес чувство горячей, радостной любви к человеку-творцу и его славным делам. Он сам умел и учил других замечать «в хаосе разрушенного старого то новое внутри человека, что уже родилось, будет жить века и не уничтожится, а только изменится на лучшее». Это позволяло ему с необыкновенной проницательностью постигать истинную красоту новой, созидаемой советской действительности. И по сравнению с величием социалистического переустройства Родины все другие дела и заботы казались ему ничтожными. Нельзя без волнения вспоминать слова, которые сказал своим близким тяжело больной Горький в один из последних дней своей жизни, знакомясь с проектом Сталинской Конституции: «Вот мы тут с вами пустяками занимаемся, ненужным делом, а ведь теперь в стране, может быть, камни поют».

«Россия будет самой яркой демократией земли!» — пророчески писал Буревестник революции, отдавая весь свой огромный талант патриотической борьбе за счастье родного народа, за превращение любимой Родины в цветущую и свободную страну. Глубокой патриотической гордостью проникнуто послереволюционное творчество писателя. Воспевая мудрость нашей Коммунистической партии, радостно приветствуя достижения советской Родины, он обрушивает гнев своего страстного обличения на империалистических хищников, стремящихся помешать расцвету нашей социалистической державы.

Ясно понимая, что старый, отвратительный мир жадно цепляется за свое существование и всеми силами противится торжеству нового общественного строя, отчетливо видя, что «подлецы не рождаются, а создаются подлейшим обществом», приходят из прошлого, чтобы задержать приближение будущего, Горький неутомимо звал к бдительности.

«Если враг не сдается, — его уничтожают!» — эти незабываемые слова великого гуманиста и патриота горят в сердце каждого советского человека, они воодушевляют борцов за мир и демократию во всем мире.

Велика и бессмертна слава Максима Горького, гениального художника слова, великого сына нашего великого народа, беззаветного друга трудящихся. Миллионные тиражи его книг, издаваемых на всех языках и во всех странах мира, несут трудящимся правду жизни — правду любви к человеку и ненависти к поджигателям войны, ко всем врагам человечества, правду творческого труда и мирного созидания.

Громадна роль Горького, как чуткого, заботливого друга и учителя советских писателей. Нет ни одного вопроса теории и практики нашей литературы, которого не коснулся бы в той или иной мере Алексей Максимович. Он подчеркивал огромную роль передового марксистско-ленинского мировоззрения для писателей, звал их глубже изучать жизнь, активно участвовать в ее переустройстве, смотреть на настоящее из будущего, уметь выделять в жизни самое главное, существенное. Непрестанно учиться у русских классиков мастерству, совершенствовать художественную форму требовал Горький, отмечая возросшую ответственность писателя перед новым читателем.

Неумирающий труд Горького и великие его заветы вдохновляют советских писателей в их творческой работе и служат воодушевляющим примером для прогрессивных писателей всего мира.

Высокие задачи поставил перед советской литературой XIX съезд партии. Работая над их осуществлением, наши писатели с огромной пользой для себя будут обращаться к неисчерпаемому источнику творческого опыта — к наследию основоположника советской литературы, будут по-горьковски выполнять свой долг перед Родиной.

Указ Президиума Верховного Совета СССР
ОБ АМНИСТИИ

В результате упрочения советского общественного и государственного строя, повышения благосостояния и культурного уровня населения, роста сознательности граждан, их честного отношения к выполнению своего общественного долга укрепились законность и социалистический правопорядок, а также значительно сократилась преступность в стране.

Президиум Верховного Совета СССР считает, что в этих условиях не вызывается необходимостью дальнейшее содержание в местах заключения лиц, совершивших преступления, не представляющие большой опасности для государства, и своим добросовестным отношением к труду доказавших, что они могут вернуться к честной трудовой жизни и стать полезными членами общества.

Президиум Верховного Совета СССР **постановляет:**

1. Освободить из мест заключения и от других мер наказания, не связанных с лишением свободы, лиц, осужденных на срок до 5 лет включительно.

2. Освободить из мест заключения осужденных, независимо от срока наказания, за должностные и хозяйственные преступления, а также за воинские преступления, предусмотренные ст. ст. 193-4 п. «А», 193-7, 193-8, 193-10, 193-10 «А», 193-14, 193-15, 193-16 и 193-17 п. «А» Уголовного Кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик.

3. Освободить из мест заключения, независимо от срока наказания, осужденных: женщин, имеющих детей в возрасте до 10 лет, и беременных женщин; несовершеннолетних в возрасте до 18 лет; мужчин старше 55 лет и женщин старше 50 лет, а также осужденных, страдающих тяжелым неизлечимым недугом.

4. Сократить наполовину срок наказания осужденным к лишению свободы на срок свыше 5 лет.

5. Прекратить производством все следственные дела и дела, не рассмотренные судами, о совершенных до издания настоящего Указа преступлениях:

а) за которые в законе предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет или другие меры наказания, не связанные с содержанием в местах заключения;

б) должностных, хозяйственных и воинских преступлениях, перечисленных в статье 2 настоящего Указа;

в) совершенных лицами, указанными в статье 3 настоящего Указа.

По другим делам о преступлениях, совершенных до издания настоящего Указа, за которые в законе предусмотрено лишение свободы на срок свыше 5 лет, суд, если признает необходимым избрать меру наказания в виде лишения свободы не свыше 5 лет, освобождает подсудимого от наказания, если же суд признает необходимым избрать меру наказания в виде лишения свободы на срок свыше 5 лет, — сокращает срок наказания наполовину.

6. Снять судимость и поражение в избирательных правах с граждан, ранее судимых и отбывших наказание или досрочно освобожденных от наказания на основании настоящего Указа.

7. Не применять амнистии к лицам, осужденным на срок более 5 лет за контрреволюционные преступления, крупные хищения социалистической собственности, бандитизм и умышленное убийство.

8. Признать необходимым пересмотреть уголовное законодательство СССР и союзных республик, имея в виду заменить уголовную ответственность за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка, а также смягчить уголовную ответственность за отдельные преступления.

Поручить Министерству юстиции СССР в месячный срок разработать соответствующие предложения и внести их на рассмотрение Совета Министров Союза ССР для представления в Президиум Верховного Совета СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПЕГОВ

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
27 марта 1953 г.

ГОРЬКОВСКИЕ ДНИ ЗА РУБЕЖОМ

В КИТАЕ

Имя великого русского писателя Алексея Максимовича Горького — одно из самых популярных имен в Китайской Народной Республике.

В связи с 85-й годовщиной со дня рождения А. М. Горького 28 марта в Пекине Всекитайская ассоциация работников литературы и искусства совместно с Обществом китайско-советской дружбы организует вечер, посвященный основоположнику советской литературы. На вечере известный китайский писатель Фын Сюэ-фын прочтет доклад на тему «Влияние творчества Горького на литературу нового Китая».

В эти дни в различных городах Китая демонстрируются кинофильмы «Детство», «В людях» и «Мои университеты».

Общество китайско-советской дружбы в Шанхае совместно с ассоциацией работников литературы и искусства устраивает общегородской вечер. В клубах, домах культуры, в библиотеках и читальнях города состоятся собрания с докладами и беседами о творчестве великого писателя.

В шанхайской городской библиотеке открывается выставка изданных в Китае произведений А. М. Горького, для популяризации его творчества выпущен и распространяется среди читателей специальный каталог книг Горького, которые имеются в библиотеке. Кроме того, открывается фотовыставка, рассказывающая о жизни и творчестве писателя.

Из года в год растет в Китае популярность произведений Горького и спрос на них. В шанхайской библиотеке только за один год книги Горького прочитали 13.800 человек. По сравнению с мартом прошлого года число читателей увеличилось в десять раз.

В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Чехословацкий народ широко отмечает 85-летие со дня рождения великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького. Издательство «Свет совету» выпустило сборник статей об А. М. Горьком под названием «Наш Горький». Сборник открывается статьей президента чехословацкой Академии наук Зденека Неедлы «Наш Максим Горький». В сборнике помещены также статьи Юлиуса Фучика, Станислава Неймана, Марии Майеровой, посвященные великому писателю.

Богатейшее литературное наследие А. М. Горького стало достоянием всего чехословацкого народа. За последние годы его произведения выходили во всех издательствах страны массовыми тиражами на чешском, словацком, русском и венгерском языках.

Роман «Мать» за последние 8 лет только на чешском языке издавался 9 раз. Неоднократно выходили романы «Жизнь Клима Самгина» и «Дело Артамоновых». Отдельными изданиями выпущены воспоминания А. М. Горького «В. И. Ленин» и очерки об Америке.

В репертуаре чешских и словацких театров одно из самых значительных мест занимают пьесы А. М. Горького. В этом году на сценах театров страны можно увидеть «Дети солнца», «Достигаев и другие», «Егор Булычов и другие», «На дне», «Враги», «Сомов и другие», «Васса Железнова», «Старик». Пьеса «Мещане» идет в 14 театрах страны.

В библиотеках и клубах Чехословакии организуются выставки, посвященные жизни и творческому пути А. М. Горького.

В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

«Горький за мир и демократию», «Значение Горького для современной монгольской литературы» — таковы темы лекций, которые читаются в эти дни для трудящихся Монгольской Народной Республики. В Монгольском государственном университете, Высшей партийной школе, учительском институте проводятся литературные вечера. Кинотеатры Улан-Батора демонстрируют кинофильмы «Мои университеты», «Детство», «В людях», «Дело Артамоновых». Общественные организации и местные отделения Монгольского общества культурной связи с Советским Союзом проводят в учебных заведениях, на предприятиях, в учреждениях, воинских частях горьковские чтения. В клубах, красных уголках и читальнях организуются горьковские уголки и фотовыставки о жизни и деятельности А. М. Горького.

В ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В Германской Демократической Республике проводится месячник, посвященный великому писателю А. М. Горькому.

В дни месячника в домах культуры Общества германо-советской дружбы, на предприятиях и в сельскохозяйственных производственных кооперативах проходят торжественные собрания, посвященные памяти А. М. Горького. В кинотеатрах в горьковские дни демонстрируются кинофильмы «Детство Горького», «В людях», «Мои университеты» и «Дело Артамоновых». Государственный радиокомитет организует горьковские радиопередачи. В театрах республики идут пьесы Горького. В Берлине трудящиеся увидят спектакли «Егор Булычов и другие», «Враги» и инсценировку «Мать» по одноименному роману писателя.

В БОЛГАРИИ

Союз театральных работников Болгарии совместно с клубом деятелей культуры организовал 25 марта вечер, посвященный 85-летию со дня рождения А. М. Горького. На вечере присутствовали писатели, артисты, художники, студенты, рабочие и служащие предприятий и учреждений столицы. С докладом «Максим Горький и наш театр» выступил писатель Стефан Каракостов. Артисты Народного театра драмы имени Крыстю Сарафова и студенты Государственного высшего театрального училища исполнили отрывки из пьес А. М. Горького.

К 85-летию со дня рождения великого писателя издательство Болгарской коммунистической партии выпустило 26-й том собрания сочинений А. М. Горького. Союз болгарских писателей проводит торжественное собрание, посвященное жизни и творческой деятельности Горького. Столичные театры покажут ряд его драматургических произведений. В Софийском государственном университете и в других учебных заведениях страны читаются лекции о творчестве великого русского писателя. Члены национальной лекторской группы Союза библиотек и читален выступят с докладами в городах и ряде сел Болгарии. Клуб деятелей культуры организует посвященные Горькому выступления видных писателей и артистов на районных собраниях трудящихся столицы, на предприятиях и на новостройках.

В ИТАЛИИ

Газета «Унита» сообщает, что в нынешнем театральном сезоне большим успехом в Италии пользуются пьесы А. М. Горького. В Генуе «Пикколо театро» поставил «Мещане», театр «Руццанте» в Падуе и римский театр «Атенео» поставили «На дне».

В АРАБСКИХ СТРАНАХ

«М. Горький — писатель-борец, писатель-революционер. Вместе со всем народом он участвовал в борьбе против жестокого царизма и империалистических хищников». Так недавно писала о великом пролетарском писателе выходящая в Ливане на арабском языке прогрессивная газета «Ас-Сарха». В статье, озаглавленной «С Максимом Горьким», газета рассказывает о жизненном и творческом пути писателя.

Для народов арабского Востока, стонущих под гнетом зверского колониального режима, произведения М. Горького звучат гневным протестом против безмерного человеческого горя, попранного человеческого достоинства. Рассказы, статьи, повести и романы М. Горького получили широкое распространение на страницах прогрессивных газет и журналов Ирака, Сирии, Ливана и других арабских стран. «Мать» М. Горького вышла отдельными изданиями в Ираке и Сирии.

Читатели М. Горького в арабских странах живо интересуются каждым его новым произведением, переведенным на арабский язык. Газета «Ас-Сакафа аль-Ватания», называя М. Горького «величайшим художником современности», пишет, что его перо обладает удивительной силой, которая заставляет читателя жить одной жизнью с его героями, вместе с ними страдать и радоваться.

Прогрессивная общественность арабских стран, выступая сегодня против американской политики на Ближнем и Среднем Востоке, широко использует произведения М. Горького. Газеты публикуют обличительные публицистические статьи Горького-трибуна, в которых он с присущей ему страстностью разоблачает американский империализм, порабощающий другие народы «Город Желтого Дьявола», «Один из королей республики», «Mob», «Ответ на анкету американского журнала» стали достоянием многих тысяч арабских читателей. Эти и другие произведения М. Горького близки и понятны простым людям в арабских странах, жаждущим подлинной свободы и достойной человека жизни. Воздавая должное пролетарскому писателю орган борцов за мир в арабских странах журнал «Ат-тарик» называет М. Горького «великим гуманистом» и «первым представителем мировой социалистической культуры».

Отражая глубокие симпатии народов арабских стран к гениальному писателю, вышедшему из народа, газета «Ас-Сарха» пишет: «М. Горький умер, но его произведения будут жить в веках».

ЗАВЕТЫ ГОРЬКОГО

Гениальный художник слова Алексей Максимович Горький всем своим вдохновенным творчеством служил торжеству социалистической революции.

С огромным подъемом, с радостью и воодушевлением выразил он в своих очерках, публицистических статьях и выступлениях творческий энтузиазм народных масс, созидающих социализм.

Он находил чудесные, чистейшие, прозрачные слова, чтобы передать великие чаяния и стремления, великую решимость и творческий подъем народных масс.

Воспитанный Коммунистической партией, ее гениальными вождями Лениным и Сталиным, великий писатель являет пример глубочайшего понимания совершающихся процессов действительности, исторической прозорливости.

Советская литература навсегда сохранит этот прекрасный и величественный пример творчества, неразрывно связанного с жизненными задачами, которые решает ведомый Коммунистической партией советский народ. Это образец для каждого советского писателя.

С глубочайшим проникновением воссоздает Горький образ социалистической Родины, где на огромных пространствах и в огромных масштабах совершается рождение нового. В «железном шуме этой великой работы, в непрерывном, героическом напряжении трудовой энергии» раскрывалась перед ним новая действительность. Гениальный писатель воочию видел в действительности воплощение того, о чем на всем протяжении истории мечтали лучшие представители человечества. Глубоко взволнованный, он каждодневно наблюдал «реальные, физически ощутимые факты строительства новой жизни, создание нового человека»...

Горького бесконечно увлекал мощный шум социалистического строительства. С гордостью за свой народ он постигал, как рождается новый, невиданно прекрасный мир. С пристальным вниманием вглядывается Горький в лица советских людей, созидающих социалистическую новь. Он настойчиво подчеркивает, что в нашей действительности нет мелких дел — все дела равно велики. С волнением и радостью наблюдает он небывалый рост творческих сил народа.

Как драгоценнейшие черты новой действительности, Горький собирает факты и свидетельства изумительного мужества, великой талантливости советских людей, их преданности делу строительства социализма, их стойкой воли, их всепобеждающего энтузиазма.

Восхищение Горького вызывает советская молодежь, которую он называет поколением героев, поколением, вышедшим из орлиных гнезд. Он называет советскую действительность колоссальной всесоюзной школой, воспитывающей новых людей, подчеркивает, что советское социалистическое общество насквозь проникнуто духом подлинного гуманизма.

«Я чувствую себя счастливым человеком. Большое счастье дожить до таких дней, когда фантастика становится реальной, физически ощутимой правдой», — говорит он, и это ощущение праздничности, прекрасного жизненного полнокровия, безграничности творческих дерзаний переполняет все создаваемое Горьким в годы великих сталинских пятилеток.

И. АНИСИМОВ

Раскрывая во всем величии борьбу советского народа за социализм, великий патриот Горький ни на минуту не забывал о непримиримо враждебном капиталистическом окружении, которое готово на самые отвратительные и кровавые преступления. С возмущением и ненавистью пишет Горький о трагическом идиотизме буржуазной действительности и прогрессирующем одичании буржуазии, о том, что растленный капиталистический мир охвачен явным безумием.

Горький твердо верил, что народы мира могут расстроить коварные замыслы империалистов, могут предотвратить войну.

«Вы в силах не допустить войны, — говорил он простым людям всего мира. — Вы и все люди, которые еще способны понять бессмысленность и преступность новой общеевропейской войны, можете ударить по рукам авантюристов. У вас для этого есть все средства».

Горький неустанно призывал миролюбивые народы к бдительности, к разоблачению происков поджигателей войны, пытающихся помешать росту и укреплению могучего лагеря социализма и прогресса, возглавляемого Советским Союзом.

Он предупреждал трудящихся, что враги мира и социализма, прикрываясь всевозможными личинами, творят свое мерзкое дело. Он писал:

«В нашей среде, оказывается, прячутся мерзавцы, способные предавать, продавать, убивать. Существование таких мерзавцев недопустимо. Оно было бы невозможно, если бы мы в текущей ежедневной героической работе нашей не забывали о том, что враг еще жив, что он следит за нами изо всех углов и всегда способен воспользоваться каждым нашим промахом, ошибкой, обмолвкой. Враг вполне заслуживает непрерывного внимания к нему, он доказал это. Нужно уметь чувствовать его, даже когда он молчит и дружелюбно улыбается, нужно уметь подмечать иезуитскую фальшивость его тона за словами его песен и речей. Нужно истреблять врага безжалостно и беспощадно...»

Вся деятельность Горького советской эпохи была проникнута заботой об укреплении могущества социалистического государства — оплота мира и безопасности народов.

Разрабатывая проблемы социалистической эстетики применительно к тем задачам, которые ставит перед писателями советская действительность, Горький призывал показывать свою правду жизни. С большой остротой поставил он вопрос о требовании к реалистическому искусству — раскрывать самые существенные и типические черты действительности.

Рассказывая писателям о замысле коллективной работы «Две пятилетки», он подчеркивал:

«Основная тема нашей книги: социалистический труд как организатор нового человека, и новый человек как организатор социалистического труда. Нужно показать взаимодействие делаемого и сделанного на деятеля и показать обратное взаимодействие. Этот двусторонний процесс нигде и никогда еще не развертывался с такой широтою, как у нас. В этом процессе для мастеров живописи словом скрыто множество различных тем крупнейшего социального интереса. Для того, чтобы найти их, развернуть, разработать с должной и предельной яркостью, следует, на мой взгляд, считаться с тремя действительностями: с прошлым, откуда идут все посылки, с настоящим, которое борется против прошлого, и будущим, которое уже видно в общих очертаниях. Кроме этого, следует считаться и с правом искусства преувеличивать. В словесном искусстве право преувеличения выражается как типизация — соединение — мелких, но наиболее частых явлений в единое крупное, которое и покажет общий смысл сотен мелких фактов».

Нет сомнения в том, что эти эстетические суждения Горького имеют жизненно важное, актуальное значение для настоящего времени, для текущего момента советской литературы.

Призывая писателей знать действительность во всей ее сложности и быть бдительными, Горький наметил целую программу борьбы советской литературы против всего враждебного и чуждого интересам социализма.

Только полностью позабыв Горького, можно было предаваться разглагольствованиям о «бесконфликтности» в советской литературе, что позволили себе некоторые незадачливые советские критики.

В обличении отрицательных явлений Горький требовал от писателей беспощадности. Комедия требует сарказма, говорил он. Именно эту священную обязанность советской литературы проявлять «страстную беспощадность обличения лентяев, саботажников, шкурников, халтурщиков, дураков, пошляков и прочих уродов», проявлять глубочайшую непримиримость ко всему, что стремится помешать торжеству коммунизма, Горький имел в виду, считая это важнейшим и основным качеством советского писателя, когда он говорил: «Современная действительность предъявляет к людям искусства требование... активного участия в борьбе, начатой всюду в мире вождем трудового народа, коммунизмом против капитализма — источника всемирного зла и горя, против бесчеловечной, наглой и подлой группы всемирных грабителей, которые давно утратив свою творческую силу, все еще продолжают защищать свою циническую власть над сотнями миллионов людей».

Жгучую, несокрушимую ненависть Горького к миру империалистического варварства, к порокам, недостаткам, болезненным явлениям в нашей действительности нельзя отделить от великой любви Горького к новой и прекрасной социалистической действительности, от безграничной веры его в будущее, в неисчерпаемые силы советского народа. С гордостью и восхищением он говорил о том, что в советской стране возникает и уже возник во всем его благородстве и духовной красоте «человек нового человечества».

В Коммунистической партии, в Ленине и Сталине Горький видел высочайший образец беззаветного служения народу, воплощение мудрости, чести и совести нашей эпохи.

Неоценим вклад Горького, великого инженера человеческих душ, в борьбу за дело коммунизма, который в наши дни становится ощутимой реальностью.

Великий сын великого народа и сегодня участвует вместе с нами в борьбе за коммунизм.

ЖИВОТВОРНЫЕ ТРАДИЦИИ

Л. НОВИЧЕНКО

Начало все возрастающего влияния Горького на передовую украинскую литературу относится еще к эпохе первой русской революции. Наиболее отчетливо оно проявляется в лучших произведениях М. Коцюбинского и Леси Украинки. С огромной симпатией к Горькому относились Иван Франко, назвавший великого Буревестника революции «одним из светочей русского народа», В. Стефаник, О. Кобылянская и другие украинские писатели демократического лагеря.

Но особенно велико и ни с чем не сравнимо воздействие Горького на украинскую советскую литературу — органическую составную часть всей многонациональной литературы страны Советов. Творчество Горького стало для писателей Советской Украины, как и для всех литераторов нашей Родины, всесторонней школой социалистического реализма, школой высокой идейности, народности, правдивости, художественного мастерства.

Один из сложнейших вопросов в своем идейно-творческом развитии — вопрос о глубоком постижении нового, социалистического гуманизма — П. Тычина успешно решил под непосредственным влиянием Горького.

Именно Горький, наряду с Маяковским, помог М. Бажану, как и многим другим нашим писателям, воспринять умом и сердцем великий ленинский принцип партийности художественного творчества и воплотить его в своей поэзии. Влияние Горького можно проследить и на романах А. Головко «Бурьян» и «Мать», сыгравших существенную роль на первых этапах развития украинской советской литературы.

Все это лишь отдельные примеры — воздействие М. Горького на творческое развитие украинских советских писателей неисчерпаемо глубоко и многогранно. И самое это воздействие неотделимо от всех исторических побед социализма в нашей стране, обусловивших бурный расцвет украинской советской литературы, неотделимо от могучего влияния всей передовой русской культуры на духовный облик украинского народа.

Учениками Горького по праву называют себя все передовые писатели Советской Украины, на деле помогающие партии и народу строить коммунизм.

Горьковскую традицию — в широком смысле этого слова — продолжает, например, в своих лучших пьесах А. Корнейчук: его пьесы наглядно противостоят пошлой, убаюкивающей, антигорьковской теории «бесконфликтности», они насыщены страстностью борьбы. Конфликт в пьесах Корнейчука строится в остром столкновении характеров, воплощающих в себе различные идеи и взгляды. Он строится по принципу передового в жизни, по принципу непримиримого разоблачения всего чуждого и враждебного коммунизму. Украинские драматурги учились этому прежде всего в творческой школе Горького — писателя, умевшего, как никто другой, показывать борьбу различных миропониманий, различных идейных начал.

Горьковский принцип развития характера, который заключается прежде всего в том, что положительный герой — представитель народной массы в борьбе за социалистический идеал духовно растет, становится все лучше, богаче, талантливее, ярче, содержательнее, как личность, — воплощен в той или иной степени и в «Знаменосцах» Гончара, и в «Большой родне» Стельмаха, и в ряде других крупных произведений современной украинской прозы.

Но в нашей литературе встречаются и обидные промахи и существенные недостатки. Их можно было бы избежать, если бы все мы более настойчиво учились у Горького. Не по-горьковски это, что украинские писатели все еще мало и во многих случаях невыразительно пишут о рабочем классе, успехам и победам которого так радовался Горький. Не по-горьковски это, что наша кипучая советская современность не находит еще достойного, всестороннего отражения на страницах украинских литературно-художественных журналов.

Все еще недостаточно освещается на Украине художественное мастерство Горького — и в этом главная вина падает на нас, критиков. А ведь у кого в первую очередь, как не у Горького, надо учиться умению создавать глубоко типические и в то же время индивидуальные образы, умению ярко показывать духовную жизнь героев, решающих величайшие социальные проблемы эпохи.

Долг нашей критики — не только академически исследовать горьковские традиции, но и бороться за их последовательное воплощение в жизнь, содействовать дальнейшему обогащению и развитию этих животворных традиций в современной украинской литературе.

А. М. Горький и Демьян Бедный (1935 год)

Фото И. ШАГИНА

„ГОРЬКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ"

27 марта в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР открылась сессия «Горьковские чтения», посвященная 85-летию со дня рождения А. М. Горького. Вступительное слово сказал директор института проф. И. Анисимов.

И. Успенский в докладе «А. М. Горький — великий обличитель мирового империализма» охарактеризовал огромный вклад, внесенный творчеством Горького в борьбу прогрессивного человечества против империалистической реакции, в борьбу за торжество дела мира, демократии и социализма. Горький в своем обличении буржуазного строя Америки и Западной Европы развивал и обогащал традиции русской классической литературы.

Следуя за Лениным, охарактеризовавшим на VII Всероссийском съезде Советов в 1919 году Вильсона, Клемансо и Ллойд-Джорджа, как «самых худших из хищников, зверей империализма...», писатель разоблачал захватническую политику этих лиц, ставших во главе правительств и осуществлявших волю буржуазии своих стран. Горький перекликается в этом отношении с Маяковским, также поднявшим свой голос против Вильсонов, Ллойд-Джорджей и Клемансо.

Горький призывал все трудящееся человечество принять участие в борьбе с империализмом. Голос его был услышан. Многие мастера культуры—Ромэн Роллан, Анри Барбюс, Иоганнес Бехер, Теодор Драйзер, Мартин Андерсен Нексе—стали славными соратниками Горького в борьбе за мир и демократию.

В докладе А. Синявского «Художественная структура романа «Жизнь Клима Самгина» рассматриваются вопросы композиции и сюжета горьковской эпопеи. Докладчик показывает, как содержание романа определило его структуру. Образы представителей реакционного, антидемократического лагеря объединяются вокруг Клима Самгина: все они отражают отдельные направления и разновидности буржуазной идеологии, а Самгин предстает, как широко обобщенный литературный тип, полно и заостренно выражающий сущность данной общественной среды — буржуазной интеллигенции.

Указывая на связующую роль характера Самгина, докладчик подчеркивает, что этот образ не является единственным композиционным стержнем повествования. Вся сложная образная система вовлечена в общий процесс исторического развития, который и составляет основу в движении сюжета. Сцены и образы, связанные с темой народа и революции, приобретают особое композиционное значение. Разбросанные по всему повествованию, но связанные друг с другом, они составляют костяк истории четырех предоктябрьских десятилетий, получившей всестороннее отражение на страницах эпопеи.

Важную роль в композиции романа играет образ большевика Степана Кутузова. Его выступления раскрывают закономерность происходящего, указывают направление исторических процессов, предваряют дальнейшие события.

Важнейшими моментами в развитии сюжета являются события, которые служат крупнейшими вехами в истории всего русского общества: появление революционной социал-демократии, связанной с рабочим движением, революция 1905 года, приезд В. И. Ленина в Петроград в апреле 1917 года.

Сегодня на заседании сессии состоятся доклады А. Овчаренко — «Принцип типизации в романе «Мать», Е. Тагера — «Жанр литературного портрета в творчестве М. Горького» и А. Тарараева — «Переписка А. М. Горького с Ф. И. Шаляпиным» (сообщение о материалах архива А. М. Горького, подготовленных к печати).

А. ФАДЕЕВ

Некоторые вопросы работы Союза писателей

1. О романе В. Гроссмана «За правое дело»

В оценке романа В. Гроссмана «За правое дело», приведшей к тому, что роман в таком виде появился в печати, большинство редакционной коллегии «Нового мира» и большинство секретариата Союза писателей совершило ошибку — ошибку идейного характера. Наибольшая ответственность за эту ошибку лежит на мне и на А. Твардовском, поскольку именно наше неправильное мнение о романе в значительной мере предопределило ошибку секретариата и редколлегии. Постараюсь раскрыть смысл нашей ошибки и сделать из нее необходимые выводы.

Как можно определить тему опубликованной первой книги романа, если рассматривать эту тему с точки зрения авторской претензии? Я думаю, эту тему можно определить в общих чертах так: советские люди в обороне Сталинграда. Но в центре произведения поставлены люди, которые никак не могут представлять советских людей на фронте и в тылу, и особенно в период обороны Сталинграда. По сути дела, не показаны ни героизм нашей армии, ни трудовой героизм нашего рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции. Поставленная в центре событий семья Шапошниковых не характерна для большинства советской интеллигенции. В обрисовке этой семьи автор придерживался принципа подчеркнутой, нарочитой «будничности». Эта незначительность дел, интересов семьи Шапошниковых и всех, кто с ней связан, кладет печать на весь роман.

Коммунисты, такие, какими они изображены в романе Гроссмана, не могут представлять нашу партию, как руководящую и направляющую силу советского общества: они не наделены теми чертами, которые характеризуют деятелей ленинско-сталинского типа.

Вся расстановка сил в романе такова, что наиболее активные силы нашего советского общества или не выдвинуты на первый план или даны бледно. Такое изображение людей и событий в романе не случайно.

В основе романа лежит реакционная идеалистическая философия, выраженная устами действующих лиц романа — академика Чепыжина и профессора Штрума, которых автор избрал, как главных выразителей его собственных взглядов.

Сущность этой философии не нова: жизнь будто бы в основе своей неизменна, в жизни все повторяется, развитие совершается по кругу. Германский фашизм объяснен тем, что в народе существуют якобы извечные начала жизни — начало добра и начало зла. В зависимости от обстоятельств, в народе, так же как и в человеке, на поверхность всплывает либо начало добра, либо начало зла. Сущность фашизма, по Чепыжину и Штруму, состоит в том, что начало зла всплыло наружу в германском народе. Нужно ли говорить, что это немарксистская, антиленинская «философия истории».

Теория «круговорота» не нова и для самого Гроссмана: он проводил ее еще в пьесе «Если верить пифагорейцам». Попытки продвинуть эту реакционную теорию в нашу литературу бывали и раньше. Следует вспомнить, например, некоторые литературные дискуссии 1939—1940 гг. и разоблаченные тогда же высказывания М. Лифшица в журнале «Литературный критик» о «вечных категориях действительности», о теории «круговорота». Для подтверждения идеи круговорота Лифшиц ссылался на Вико, на Гераклита, на Экклезиаста. Но он умалчивал, что эту реакционную идею в наше время поднял на щит — и не случайно — один из идеологов загнившего капитализма Шпенглер.

Нечего и говорить о том, сколь враждебна эта идея нашему марксистско-ленинскому мировоззрению.

«...Диалектический метод, — учит товарищ Сталин, — считает, что процесс развития следует понимать не как движение по кругу, не как простое повторение пройденного, а как движение поступательное, как движение по восходящей линии, как переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему».

Реакционная теория извечных, неизменяемых, а только перемещающихся начал жизни лежит в основе романа Гроссмана. И с этой точки зрения автору удобнее, чтобы в центре романа находились люди, существование которых было наполнено не пафосом борьбы и великими идеями преобразования общества, а буднями жизни. «Порядок и беспорядок, покой и движение, «благородная простота и спокойное величие» в противовес бурным проявлениям жизни — все это понятия, которые относятся к вечным категориям действительности,— писал в свое время Лифшиц, точно предвосхищая появление романа Гроссмана.

Мы вовсе не хотим сказать, что Гроссман не имел права в своем романе вывести «профессора», который придерживается подобного рода взглядов. Неправильно было бы из критики романа Гроссмана на страницах советской печати сделать вывод, что изображение людей, противостоящих нам, людей с враждебной философией, недопустимо в советской литературе. Наоборот, мы можем и должны показывать наших противников, чтобы еще ярче показать правоту наших взглядов и победу нашего дела. Но Гроссман наделил Чепыжина и Штрума своей подчеркнутой авторской симпатией. И это делает для читателя ясным, что реакционные взгляды Чепыжина и Штрума являются взглядами автора.

Не за то порицают роман Гроссмана, что людей, погрязших в «будничной» жизни, нет в советской действительности или что такая семья, как семья Шапошниковых, не может существовать. Вследствие недостатков нашей воспитательной работы и противоречий нашего развития, у нас еще немало людей, более или менее добросовестно выполняющих свои служебные обязанности, но интересы которых вращаются только в кругу семьи, или, во всяком случае, не вылезают за пределы мелких будничных интересов. У нас есть люди, которые несут в себе откровенные или прикрытые красивой фразой пережитки обывательщины. Показ таких семей возможен и полезен. Но Гроссман сделал подобную семью как бы главной выразительницей чувств советских людей.

Поставив эту в общем обывательскую семью в центре романа, он тем самым исказил жизнь.

Откуда атмосфера ущербности, обреченности, которая накладывает на роман печать пессимизма? Если все в жизни возвращается на круги свои, если все неизменно, тогда войны на свете неизменны и жизнь людей тоже неизменна. Люди делают всякого рода усилия, борются и прочее и прочее, но, в конце концов, жизнь их остается в общем бессмысленной и трагичной. Вот, собственно говоря, вся «философия» этого романа. Отсюда принципиальная будничность большинства действующих лиц и бессмысленность и случайность гибели некоторых из них. Автор понимает необходимость вовлечь в орбиту романа представителей разных слоев нашего общества, но благодаря неверной концепции роман не растет в глубину, а лишь разрастается в ширину, и отсюда его композиционная рыхлость. Многие в общем правильные положения — например, о роли партии, — даны в романе только декларативно.

В обрисовке шахтера Новикова или в картинах колхозного труда в конце первой книги романа чувствуется торопливость авторского пера, показывающая, что автор пишет это без любви и как бы по обязанности. Манере Гроссмана свойственно о большом и о малом писать ровным голосом и длинно.

Вместе с тем роман написан человеком, который обладает несомненным профессиональным умением. Талант автора виден в ряде сцен и в ряде образов. Живая жизнь с ее высоким борением, та реальная жизнь, которая происходила вне романа, эта жизнь, нет-нет, и разрывает нарочито будничное повествование, заявляет о себе. В романе есть хорошие, правдивые страницы, относящиеся к образам Вавилова, Березкина. Сильны боевые эпизоды в главах защиты вокзала и некоторые другие фронтовые сцены. Остро показан фашистский лагерь. Однако эта сторона дела не может снять идейной порочности романа в целом и проистекающего отсюда его коренного идейно-художественного недостатка — неверного подхода к изображению советского человека, принижения его.

Вот почему наша ошибка должна быть признана крупной ошибкой. Она свидетельствует о том, что мы, люди, допустившие ее, не проявили необходимой идейной требовательности и принципиальности и, таким образом, способствовали появлению в печати вещи идеологически вредной.

Каким образом получилось, что большинство секретариата, где имеются относительно опытные в литературных делах люди, каким образом получилось, что они могли просмотреть такие крупные идейные пороки романа? Были ли до появления романа в печати голоса, которые сигнализировали бы об этом? Да, такие голоса были, и их было немало.

Вокруг этого романа и до появления его в печати шла длившаяся ряд лет дискуссия. Эта дискуссия, к сожалению, не дошла до широкой литературной общественности, она велась в узкой среде редколлегии и секретариата и уже после напечатания романа вылезла краешком на президиум ССП — наш орган, который должен был бы решать такие принципиальные вопросы.

Когда этот роман впервые появился в редакции журнала «Новый мир», Б. Агапов на заседании редколлегии журнала самым решительным образом раскритиковал роман именно за то, что в нем содержится реакционная философия.

Когда роман перешел на рассмотрение нового состава редакционной коллегии «Нового мира», там разгорелась дискуссия по поводу романа. Эта дискуссия была перенесена на секретариат союза, где выступал М. Бубеннов, сказавший:

«В романе нет атмосферы обороны Сталинграда, настоящих его героев, партийной организации, рабочего класса... Роман так напитан обывательщиной, мещанством, что это не советская интеллигентная семья, а откуда-то из прошлого... Когда весь этот мир выплыл на страницы романа «Сталинград», то это звучит клеветой на защитников Сталинграда».

На этом же заседании секретариата выступил В. Катаев. Он сказал о Гроссмане и его концепции: «Я не люблю его претензии на философию. Толстой полемизировал с Тьером, с традиционными представлениями об Отечественной войне, а... у нас морально-политическое единство, я думаю так, как думает партия... Если начинать философскую «самодеятельность», она обедняет этот роман».

Роман не раз переделывался. Дискуссия еще раз развернулась на секретариате, и все названные товарищи подтвердили свою точку зрения. К ним присоединился В. Кожевников: «Люди написаны с точки зрения художественной очень живо, но не показана наша общественная сила в этих людях... В них нет тех волевых черт, когда люди руководствуются своим сознанием, тем, что мы называем чувством советского патриотизма».

Когда роман вышел в свет, задолго до появления статей в советской печати, на первом обсуждении романа в секции прозы выступил т. Козлов, один из редакторов Воениздата. Оценка романа была дана им в основном неправильная, но им было высказано существенное замечание, которое не было принято никем во внимание.

«Хотелось бы указать на ошибку, которая имеется в философии Гроссмана. Мне кажется, эта ошибка сродни ошибке, которая была допущена в «Если верить пифагорейцам».

Таким образом, было достаточно голосов в оценке этого романа, которые должны бы были нас насторожить, заставить призадуматься. Но почему же этого не произошло? Потому что и в Союзе советских писателей и в редакционных коллегиях сложилось такое положение, при котором решение многих вопросов идейного порядка — оценка произведений, формулировка той или иной серьезной проблемы — очень часто зависит от мнения нескольких человек из руководства. У нас слишком редко применяется нормальный принцип коллегиальности в работе.

Секретариат Союза писателей, если взять его московскую часть, только формально состоит из десяти лиц, а реально действует в гораздо более узком составе. Работают всегда одновременно два-три человека, которые, между прочим, целиком подменили и работу президиума. А ведь президиум представляет самые разнообразные силы нашей писательской организации и по существу именно он должен был бы решать основные идейные, творческие вопросы нашей литературы, с учетом общественного мнения, на основе критики и самокритики.

Таков один из выводов, который можно сделать из ошибки, допущенной по роману Гроссмана «За правое дело».

Наш долг помнить всегда о том, что по вопросу о коллегиальном руководстве у нас есть исчерпывающее указание товарища Сталина. Он говорит:

«Нет, единолично нельзя решать. Единоличные решения всегда или почти всегда — однобокие решения. Во всякой коллегии, во всяком коллективе, имеются люди, с мнением которых надо считаться. Во всякой коллегии, во всяком коллективе, имеются люди, могущие высказать и неправильные мнения. На основании опыта трех революций, мы знаем, что приблизительно из 100 единоличных решений, не проверенных, не исправленных коллективно, 90 решений — однобокие».

2. Об ошибках редакции журнала «Новый мир»

Ошибка с романом Гроссмана вынудила секретариат Союза писателей внимательно проанализировать работу журнала «Новый мир».

В работе журнала «Новый мир» имеется много ошибок. Есть ошибки идейного характера, чрезвычайно существенные для нашей литературы. Есть и просто проявления небрежности в работе над редактированием журнала.

Как известно, в журнале «Новый мир» была напечатана антипатриотическая статья А. Гурвича «Сила положительного примера». Ошибка эта совершена была тоже при поддержке членов секретариата — Фадеева и Суркова, что, однако, не снимает ответственности с редакции журнала.

В журнале было напечатано идейно-неверное стихотворение Н. Асеева «Ива»,

---

Сокращенная стенограмма доклада на президиуме правления Союза писателей 24 марта 1953 года.

НАШ УЧИТЕЛЬ

Народы, живущие на просторах нашей Родины, издавна черпали живительную силу в неиссякающих родниках русской культуры. Русская литература излучала прометеев огонь, звала на борьбу против тирании всесветных поработителей, согревала обездоленных и сирот. Все эти лучшие, гуманные, демократические традиции Максим Горький раздвинул вширь и вглубь, поднял на новую высоту. Сталинская эпоха дружбы советских народов обрела в Горьком своего пламенного глашатая.

Латышский народ полюбил всем сердцем Горького с самых первых шагов его литературной деятельности. В начале нашего века, когда атмосфера была насыщена ожиданием бури, во время революции 1905 года произведения Горького приобрели в Латвии огромную популярность и любовь.

Для латышской литературы Горький стал незаменимым учителем, и влияние его росло с каждым годом. Примером всей своей деятельности он требовал от художников слова всестороннего знания жизни, демократической революционной направленности, горения и мастерства.

Народный латышский поэт Ян Райнис, которого Максим Горький в своей речи на I Всесоюзном съезде писателей в 1934 году назвал мощным поэтом, чувствовал влечение к великому писателю первой в мире социалистической страны. Андрей Упит снова и снова перечитывает его произведения. «Чрезвычайно высоко ценю Лермонтова, Пушкина, Гоголя, Щедрина, но выше всех—Максима Горького»,—отмечает он в одном из своих писем. Учеба у лучших советских писателей и в особенности у основоположника советской литературы А. М. Горького углубила мастерство Вилиса Лациса. На произведениях Максима Горького учится наша писательская молодежь. В семье писателей Советской Латвии нет ни одного литератора, который не чувствовал бы в своем труде неослабевающее и благотворное влияние Горького.

У основоположника социалистического реализма учатся ныне латышские прозаики, поэты, драматурги, критики и публицисты. Сформулированный Горьким тезис о социалистическом гуманизме, о достоинстве и назначении человека, стал неотъемлемой частью нашего мышления и мировоззрения.

Было время, когда некоторые из нас судили об Америке лишь по прекрасным поэмам и стихам Лонгфелло и Уитмена. В очерках Горького мы увидели капиталистическую Америку, царство Желтого Дьявола, увидели подлинное лицо американских миллиардеров.

Горький учил и продолжает учить разить врагов острым жалом сатиры. Он всегда поддерживал, взращивал в нас светлый оптимизм победившего класса, создающего новое человеческое общество. Вместе с сотнями миллионов людей он борется ныне за мир, за демократию, против поджигателей новой войны.

...Из воспоминаний моих детских и школьных лет выступают Макар Чудра, Челкаш, старуха Изергиль, взлетает к предгрозовым тучам вольный Буревестник.

В своей литературной работе многим я обязан примеру и влиянию Горького, зовущего к жизни, к деятельности, к безустанному труду.

Горький глубоко дорог всем писателям Советской Латвии.

О Горьком хранит дорогие воспоминания наша старая Рига, где он побывал.

Горького горячо любит весь латышский народ.

Ян СУДРАБКАЛН,
народный поэт Латвии

Б. ГАЛИН

ДАЛЕКОЕ—БЛИЗКОЕ

Из очерков «Записки пропагандиста»

1. Мы у себя в библиотеке парткома часто устраивали чтения отрывков из произведений Максима Горького. Этим вечерам мы дали название «Горьковские чтения».

Как прочно, навечно вошел он в нашу жизнь!.. Помню, прочел я однажды статью Макаренко «Максим Горький в моей жизни». Удивительный человек, — своей статьей он словно подтолкнул меня к Горькому, посоветовал быть ближе к нему. И, может быть, это будет дерзко с моей стороны, но и я, штатпроп, сказал бы своим товарищам — агитаторам и пропагандистам: ближе, друзья, к Максиму Горькому.

Читая Горького, я начинаю лучше и глубже понимать и видеть: какое это прекрасное и великое искусство согревать человека, как однажды выразился Алексей Максимович, сознанием реальной полезности его труда, возбуждать в нем волю к дальнейшим победам. Сам Горький сказал: зажечь в людях жаркое желание приблизить будущее.

Вот и в этот мартовский вечер, в день рождения Алексея Максимовича, мы собрались в просторной комнате инженеров-внедренцев. У меня оказалось много добровольных помощников, людей, любящих Горького. Старый крепильщик Герасим Приходько и механик участка Константин Чичкан помогли мне устроить выставку произведений великого писателя. Герасим Иванович по рабкоровской любви — он заместитель редактора шахтной стенгазеты «Горняк»— собирал труды Горького; во время нашествия гитлеровских оккупантов он зарыл на своем огороде ящик со старыми газетами и журналами. Он-то и принес мне аккуратно сшитые им горьковские статьи, печатавшиеся в разное время в «Правде» и журнале «Наши достижения».

Чертежные столы были отодвинуты к стене, посредине поставили большой стол, за которым обычно работает ведущий конструктор Алексей Кузьмич Гурин. За этим столом уселись агитаторы, пропагандисты, инженеры.

Я положил рядом с собой — для храбрости, так сказать,—свою тоненькую тетрадку времен «СТЗ» и «ЧТЗ». В эту тетрадку я записывал свои комсомольские впечатления.

В эту же тетрадку вложена, или, вернее, вклеена, вырезка, почти целый газетный лист сталинградской газеты «Борьба». Он мне очень дорог, этот газетный лист, рассказывающий о далеком — близком.

2. Самое трудное — начало беседы. У конструктора Гурина (он внедряет у нас на шахте свою машину, горный комбайн для пологих пластов) есть свое рабочее понятие — момент завязки машин. И для меня этот начальный момент, — в докладе ли, в беседе ли,— момент «завязки» мучительно труден.

Гурин, должно быть, хорошо понял мое состояние — оробел! — и, желая подбодрить, шепнул:

— А вы, Пантелеев, смелее.

Лучше всего вот так и начать словами Горького — из «Детства». Я очень люблю эти задевающие сердце горьковские строки:

«В детстве я представляю сам себя ульем, куда разные простые, серые люди сносили, как пчелы, мед своих знаний и дум о жизни, щедро обогащая душу мою, кто чем мог. Часто мед этот бывал грязен и горек, но всякое знание — все-таки мед».

Стоило мне произнести эти горьковские слова, — от них повеяло чем-то удивительно хорошим, — и сразу же стало легко, исчезла скованность, робость. Помните, сказал я своим товарищам, помните,—бродит в лесу Алеша Пешков с бабушкой, идут они все дальше и дальше в лес, в синеватую мглу... И мысли молодого Горького: «Идешь и думаешь...» А хорошо бы иметь такой ум, «чтоб я мог все устроить иначе, получше как-нибудь. Пусть бы люди слушали меня с доверием, — уж я бы поискал, как жить лучше!»

Искатель лучшего, он таким и был всю жизнь, помогал людям искать и находить себя, свою дорогу к лучшей жизни.

Я не знаю другого писателя, который бы так близко стоял к нам, к нашей эпохе, к ее людям. Когда читаешь Горького, то чувствуешь, как с души смывается грязь, пыль, как обнажается доброе и ясное в человеке. И это происходит потому, что мы, весь народ советский, видим «в Горьком себя, своего человека, свою жизнь—судьбу, свое будущее...» Великий художник, он умеет собирать людей, я бы сказал его же словом, в тесную массу единочувствующих.

Суровая умница-жизнь выковала в нем ненависть к свинцовым мерзостям и горячую веру в будущее России. Сказал же он однажды в письме к Короленко:

«Я всю жизнь искал в людях хорошее, бодрые чувства и — находил, хотя, говорят, и выдумывал их. Того, чего нет — не выдумаешь». И он не выдумал Мать, Павла Власова, Андрея Находку, Нила. Людей, делающих действительность. Они были в жизни. Нужно было только внимательно вглядеться.

А как все вокруг меня задвигались, оживились, когда я прочел письмо Ленина к Горькому — то письмо, в котором Владимир Ильич точно подталкивает Алексея Максимовича:

«Не напишете ли майский листок? Или листовочку в таком же майском духе? Коротенькую, «духоподъемную», а?».

Коротенькое ленинское письмецо всех взволновало, особенно тронуло одно Ильичево слово: «духоподъемное»... Веселое, бодрое, оно будто легло на широкой ладони ведущего конструктора. Сильным движением руки Гурин как бы подбросил его и звонко, в два удара произнес:

— Духо-подъемное!

Все творчество Горького в главном тоне своем и является духоподъемным. Читаешь Горького, и вдруг одно какое-нибудь слово пост, светится — толкнет в сердце оживляющим толчком. Давно смотрел я пьесу «Мещане», давно читал ее и кое-что позабыл. Но вот это слово — настраиваются — прочно овладело моей памятью. Его произносит Тетерев. Помните: «люди настраиваются жить». Удивительно тонко подмеченное и схваченное ощущение нарастающей жизни!

Один из горьковских героев уже настроился жить, завоевывать будущее. Это машинист Нил:

— Я знаю, что жизнь — дело серьезное, но не устроенное... что оно потребует для своего устройства все силы и способности мои. Я знаю и то, что я — не богатырь, а просто — честный, здоровый человек, и я все-таки говорю: ничего! Наша возьмет! И я на все средства души моей удовлетворю мое желание вмешаться в самую гущу жизни... месить ее и так, и эдак... тому — помешать, этому—помочь... вот в чем радость жизни!

Гурин делает быстрый и требовательный жест:

— Ну-те-ка, — говорит он, — дайте-ка взглянуть.

— Когда написано? — спросил механик Чичкан, — «ничего! Наша возьмет!»

— Давненько, — ответил Гурин, — в первом году двадцатого века.

— Давненько, а близкое...

Миша Федоров — на шахте его прозвали «Живое дело» — рывком встал на ноги и, подойдя к ведущему, взяв из его рук книгу, прочел про себя и, блеснув глазами, выбросив вперед сжатые в кулак загорелые руки, громко и весело сказал:

— ...Месить ее и так, и этак... Жизнь! — Тому—помешать, этому — помочь... И пришепетывая: — Прелесть какая... Смело, хорошо!

Мне сперва казалось, что такие вторжения в беседу о Горьком снизят и заглушат ее. Но затем я увидел, что «вторжения» эти нисколько не снижают, а даже как-то оживляют и поднимают общий тон беседы.

3. В повести «Мать», в этой «очень своевременной книге», как о ней сказал Ленин, книге, по которой учились русские рабочие, есть для меня особенно дорогие строки: в них, мне думается, возникает облик самого Горького с его глубокой верой в будущее России. Помните разговор Андрея Находки с Ниловной?

Упрямо наклонив голову, Находка говорит:

— Все любят близкое, но — в большом сердце и далекое — близко!

Эти два слова, столь обыкновенных и простых—«и далекое—близко»,—сказанные много лет назад, вдруг будто ожили. Впрочем, правильнее будет сказать, что они всегда были живыми, эти горьковские слова-мысли.

О Ленине Горький писал: он «умел предвидеть то, что должно быть. Он умел и мог делать это, мне кажется, потому, что половиною великой души своей жил в будущем, железная, но гибкая логика его показывала ему отдаленное будущее в формах совершенно конкретных, реальных».

Сталин, как и Ленин, умел предвидеть то, что должно быть. Великое умение — «видеть все, что может и должно дать сегодня завтрашнему дню»,— эту черту, свойственную советским людям, воспитанную в них партией, хорошо выразил Горький: делать далекое близким.

Сама мысль — приближать будущее, пришлась моим товарищам по душе. Я попробовал сойти, так сказать, на конкретную почву и осторожно заметил:

— А ведь и вы, товарищ ведущий конструктор, вы и ваши товарищи-внедренцы, шахтеры «Красной звезды», оседлавшие горные комбайны,— из тех советских людей, о которых Горький метко и просто сказал: «Схвачен делом за́ сердце».

— Ну, знаете, штатпроп, — шутливо сказал Гурин, — тут вы, кажется, того... Впрочем, — он чуть потише и раздумчиво проговорил: — если взять эту горьковскую формулу «далекое — близкое» в широком понимании, так сказать, в диапазоне возможностей советского человека, то да... в большом сердце и далекое — близко.

И, оживившись, сказал с каким-то смущением:

— Да ведь дело-то наше масштабное. Перспективное, так сказать. Как же его не любить... Пятьдесят комбайнов в работе. И сто — на подходе!

4. Если нанести на карту маршрут его поездок, — какая великая жажда видеть, смотреть жизнь!

Сам Горький назвал это «прохождение» наук — обучением у действительности и с великой гордостью писал: «продолжая учиться у Ленина и у его учеников...»

Старый Приходько, надев очки, читает медленно, вслух горьковское, хозяйское: «Я не могу отдыхать. Некогда!». Тетрадка идет дальше по кругу, от одного к другому, — синяя тетрадка с газетной вырезкой. И горьковские слова произносятся на разные лады: то задумчиво-тихо, то весело-громко, то по-юношески звонко. И мне все кажется, будто сам Алексей Максимович с нами,— ожил он в наших голосах:

— А как я могу отдыхать, когда вокруг кипит такая сказочно-интересная жизнь?

И какая чувствуется у Горького гордость за партию коммунистов, аккумуляторов энергии рабочего класса, за свой народ: «очень мы, русские, хороший народ: чем больше живу, тем крепче убеждаюсь в этом».

Мы все задумались, глядя на горьковский портрет-фотографию 1934 года. Удивительный человечище!

Вот он стоит за столом, согнув сутулую спину. Очки сбоку в футляре. Горький опирается локтями о стол. Руки подняты над белым чистым листом. Ладони полусогнуты, пальцы рук в сильном жесте приближены друг к другу. И, глядя на Горького, согнувшегося над белым чистым листом и о чем-то хмуро думающего, мне казалось: вот-вот его охватит радость — радость покрывать лист узором слов.

Может быть, в это время он задумал и начал писать свою статью, которая была напечатана в «Правде». И скромная горьковская строка — «Эту статейку очень одобрил т. Сталин»—как-то сразу просто и отчетливо рисует Горького и Сталина, их дружбу, великое уважение и любовь Горького к Сталину.

Задумали пионеры писать книгу о своей жизни, и Горький советует: «А писать надобно так, как будто вы рассказываете об условиях вашей жизни особенно близким, друзьям своим, например, товарищу Сталину».

Это ведь делает сам Горький: что бы он ни делал, что бы ни задумал, ни написал,— во всем советуется с товарищем Сталиным, самым близким другом своим.

Он говорил о себе:

«...кроме прямых моих обязанностей литератора, я должен заниматься работой санитара, попытками вымести из жизни всякую заразную грязь и дрянь».

Ненависть ко всему злому, мешающему жить, ненависть к старому миру — для него глубокое творческое чувство.

«Нам следует знать и помнить, — писал Горький,— что подлецы не родятся, а создаются подлейшим обществом. Действуя в настоящем, как посланные гнусным прошлым, они пытаются задержать приближение будущего, а потому и должны быть уничтожены».

* *
*

Гурин не умеет тихо и просто слушать. Прыткий, быстрый, стремительный, он полон жизни и всей своей фигурой активно выражает отношение к тому, что слышит. Вот и сейчас, вскочив на ноги, он сразу же потянулся к Горькому, взял в руки томик «По Руси», полистал и, найдя свое близкое, знакомое, прочитал вслух:

«Хочется сказать людям какие-то слова, которые подняли бы головы им, и, сами собою слагаются юношеские стихи:

...Нами жизнь творима, нами!..»

Прочел и, вздернув плечом, улыбаясь сказал:

— Вообще-то говоря, у меня к стихам почтения нету. Но, видите ли, тут... Но, видите ли, тут...—и, взмахивая рукой, весело-громко, точно песню, на разные лады прочел:

«Нами жизнь творима, нами!..»

Чуть громче других выделяя слово — «нами...», бережно положил книгу на стол и удивленно-радостно сказал:

— Весьма своевременные стихи. Нашенское! А, братцы?..

От этих горьковских слов — «Нами жизнь творима, нами!» — удивительно простых, веселых, звонких, веет боевым духом Горького, веет, беря его слова, азартом юности.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

24 марта состоялось заседание президиума Союза советских писателей СССР. С докладом «Некоторые вопросы работы Союза писателей» выступил генеральный секретарь ССП СССР А. Фадеев. После доклада А. Фадеева развернулись прения, в которых выступили А. Твардовский, Самед Вургун, Г. Николаева, В. Ермилов, С. Злобин, К. Львова, А. Суров, К. Симонов, А. Прокофьев, А. Первенцев, А. Караваева.

Во всех выступлениях прозвучало единодушное осуждение романа В. Гроссмана «За правое дело», напечатанного в журнале «Новый мир» и подвергшегося суровой и справедливой критике на страницах «Правды» и журнала «Коммунист».

Большинство выступавших, отмечая грубую ошибку журнала «Новый мир», напечатавшего идейно-порочный роман В. Гроссмана, останавливалось и на других серьезных ошибках этого журнала.

В выступлениях серьезной критике подверглись идейные пороки, присущие опубликованной в журнале «Новый мир» повести Э. Казакевича «Сердце друга». Резко критиковалась пьеса С. Нариньяни «Аноним», а также опубликованные в отделе критики журнала статьи В. Комиссаржевского «Человек на сцене», Н. Гудзия и В. Жданова «Вопросы текстологии» и В. Огнева «Ясности!».

На заседании президиума критиковались также недостатки работы секретариата Союза писателей, слабая работа творческих секций и нередкие факты игнорирования работы секций со стороны многих видных писателей, в том числе членов правления и президиума Союза советских писателей.

А. Твардовский в своем выступлении, признав верной оценку, данную роману В. Гроссмана партийной печатью, охарактеризовал опубликование этого романа, как большую и серьезную ошибку журнала «Новый мир», сказав, что основная тяжесть ответственности за эту ошибку ложится на него лично, как на главного редактора журнала.

— Как бы ни была незавидной роль редактора, кающегося в своих ошибках, но если эти ошибки осознаны искренне и глубоко, то признание их не зазорно,— заключил свое выступление А. Твардовский.— Мы совершили ряд ошибок идейного характера и сделаем из этого все необходимые выводы.

К. Симонов в своем выступлении согласился с содержавшейся в докладе А. Фадеева критикой передовой статьи «Литературной газеты» от 19 марта 1953 года. Он подчеркнул, что у редакции, разумеется, не было намерения применять приемы «новорапповской» критики. Однако в статье оказались нечеткие, непродуманные формулировки.

Общее возмущение собравшихся тем, что В. Гроссман до сих пор ни в какой форме не ответил на справедливую критику, выразил А. Первенцев, который сказал:

— Почему В. Гроссман, член правления Союза писателей, не явился сюда? Разве ему не хватает для этого силы и мужества? Мы видим здесь Казакевича, который честно пришел выслушать критику, а Гроссмана здесь нет.

Выступивший в конце прений Э. Казакевич заявил, что воспринимает суровую критику его повести «Сердце друга», как товарищескую, и сделает из нее все выводы.

С заключительным словом выступил А. Фадеев, после чего президиум принял развернутую резолюцию.

В журнале «Новый мир» появилась статья В. Огнева «Ясности!», дававшая неправильную, исходящую из групповых позиций оценку наследства Маяковского.

Крупной ошибкой журнала «Новый мир» является то, что он напечатал повесть Э. Казакевича «Сердце друга» (№ 1 за 1953 г.). Повесть эта рядом своих сторон перекликается с тем, что подверглось критике в романе Гроссмана. На этой повести тоже лежит печать ущербности, как бы обреченности людей. В показе людей Казакевичу не в такой степени, как Гроссману, но тоже присуща манера нарочитого принижения героизма. Возьмем, например, капитана Бадейкина, выдающегося командира военного катера. Он показан в своей семье так, что даже сам Казакевич говорит, что иной, взглянув на эту мещанскую картину, не создал бы правильного представления о Бадейкине. Но справедливо ли это для характеристики именно такого человека?

Возьмем эпизод, когда Акимов, главный герой повести, цельный человек, приходит с товарищем к одиноким учительницам.

Вернувшись к друзьям, среди которых и любимая Акимовым девушка, Акимов ведет себя, как будто ничего не случилось, и сам говорит о себе: «Как ловко человек умеет скрывать свои некрасивые тайны».

Могло ли случиться с героем то, что произошло у Акимова с учительницей. Чего не бывает в жизни! Но так ли повел бы себя Акимов, вернувшись к друзьям и любимой девушке? Нет, такой человек, как Акимов, стыдился бы и внутренне осуждал себя. Дан в романе хороший интеллигент — отец Ани Белозеровой. Аня, не сказав отцу, вышла замуж, забеременела. Отец, даже не узнав о том, что она вышла замуж, бросает беременную дочь и уезжает. Это фальшиво.

Да, человека надо показывать всесторонне, в положительном и в недостатках. Да, мы знаем, что совершаются более или менее плохие поступки и хорошими людьми. Но важно видеть в человеке главное, важно правильно видеть стимулы поведения человека и как человек реагирует на свои поступки, и вообще смотреть на него с лица, а не сзади. В повести Казакевича люди живут, как трава растет, бездумно. В его героях при всем том, что они в большинстве своем люди цельные, не только не заострена, а большей частью вовсе не показана их идейная жизнь. И получается, что, хотя люди совершают героические поступки, они не живут, а ползают по жизни.

В повести Казакевича содержатся и такие «философские» рассуждения, которые перекликаются с романом Гроссмана.

В конце повести, когда погибает Акимов, делается попытка рассказать о том, что он испытывал в бессознательном состоянии перед смертью.

«И вот качка стала невыносимо сильной, так что боль все больше увеличивалась, так что нельзя было терпеть, потому что сердце с налета билось все о то же самое острое и тупое. И он подумал, что так нельзя, что это надо прекратить, нельзя так терзать сердце, потому что оно —не его собственное, оно принадлежит чему-то туманному, неясному, но светлому и важному».

Неясно, зачем это написано? Зачем нужно, чтобы человек, отдавший свою жизнь за советскую Родину, за освобождение от гитлеровцев норвежского народа, в последнюю минуту своей жизни стремился к чему-то «туманному и неясному»? Это «туманное» еще более усугубляется, когда к Аничке приходит известие о том, что враги норвежского народа и всего прогрессивного человечества выкапывают тела наших бойцов из могил.

«Выслушав Верстовского, Аничка осталась сидеть неподвижно. Удивление, омерзение, скорбь и неверие в людей овладели ею».

Почему советской девушкой может в этот момент овладеть неверие в людей? Каждый пионер у нас знает, что выкапывают героев из могил не люди, а гиены.

«В эти мгновения, длившиеся, казалось ей, века, она с ужасом спрашивала у Акимова: «Зачем же ты пошел туда? За что же ты умер? Кому понес ты чистоту помыслов, свое мужество и свою любовь?»

Это показывает, что туманные переживания Акимова введены автором не случайно. Мы вправе спросить Казакевича: что он хотел сказать своей «философией»?

Он пишет: «На этом можно и закончить повесть о жизни и смерти человека сороковых годов двадцатого столетия и перейти к другим повестям о людях более позднего времени...»

Значит, нет классового капиталистического общества, нет нашего советского общества, окруженного врагами. Есть просто люди, люди сороковых годов двадцатого столетия, потом придут люди других годов, другого столетия. Опять следы все той же идейки круговорота на основе в общем неизменной и довольно примитивной жизни людей на земле.

Я не могу поставить повесть Казакевича в один ряд с романом Гроссмана. Люди, которых изображает Казакевич,— люди цельные в большинстве своем. Автором хорошо показано, что советские люди, боровшиеся на севере в Норвегии, относились к норвежцам по-братски. Но при этом повесть Казакевича содержит крупные идейные пороки, пропитана пессимистическим настроением. Она не должна была появиться на страницах журнала в таком виде. Редакция снова проявила здесь благодушие и идейную нетребовательность.

Ошибки «Нового мира», к сожалению, продолжаются.

В № 3 журнала за 1953 год напечатана статья Н. Гудзия и В. Жданова, которая представляет собой замаскированную полемику с государственным требованием упорядочить издание классиков. В переиздании классиков дело дошло до полного произвола со стороны ученых редакторов. Вносились различные поправки на основании всяких псевдонаучных заключений — из других вариантов, из первоначальных рукописей. Неким ученым редактором было даже предложено переиздать роман «Анна Каренина» по первоначальной рукописи.

Это, в конце концов, привело бы к тому, что исказили и растащили бы по частям всю классику, наше национальное достояние. Формально в статье Н. Гудзия и В. Жданова признается, что переиздаваться должен текст последнего прижизненного издания, но дальше статья наполнена ложными наукообразными предложениями, которые по существу ревизуют государственные указания.

Все это говорит о том, что в редакции журнала «Новый мир» дело обстоит неблагополучно.

Ошибки редакции журнала «Новый мир», как и ошибки секретариата Союза писателей в связи с романом Гроссмана, еще и еще раз напоминают о том, что мы должны покончить с благодушием в нашей среде, должны повышать идейно-творческую требовательность, быть принципиальными и с этих позиций вести наше дело.

Необходимо повысить нашу бдительность в вопросах идеологии. Мы должны блюсти чистоту наших ленинско-сталинских позиций. В вопросах литературы это требует и от руководящих органов Союза писателей и от редакторов и редакционных коллегий наших литературно-художественных журналов повышения ответственности перед народом за порученное им дело.

3. Борьба за высокое качество советской литературы и ее идейные противники

XIX съезд партии дал нам замечательные указания, которые относятся прямо и непосредственно к задачам литературы.

И вся работа XIX съезда, все его решения имеют прямое отношение к работе писателей. Новый пятилетний план — это большое движение вперед в деле строительства коммунизма в нашей стране. Пафос строительства коммунизма — это наш пафос, советских писателей. Пятилетний план в большой мере определяет нашу тематику, он указывает нам, на какие стороны жизни мы должны обратить главное внимание.

В докладе товарища Г. М. Маленкова указаны пути и способы, которыми мы должны осуществлять наши задачи. Мы должны, во-первых, уметь изображать нашего человека так, чтобы он служил образцом для всех людей, для всего общества, чтобы на этих образцах можно было воспитывать людей. Мы должны, во-вторых, не бояться трудностей, не замазывать противоречий нашего развития, показывать наших противников, наших врагов, показывать и то, что является отсталым и подлежит перевоспитанию. Мы должны отображать жизнь во всем ее богатстве и развитии, со всеми ее трудностями и противоречиями, которые мы победоносно преодолеваем. На съезде был нанесен сокрушительный удар по пресловутой теории «бесконфликтности» советской литературы.

Товарищ Г. М. Маленков разработал проблему типичности, сказав, что типическое есть основная сфера проявления партийности в реалистическом искусстве, показал, как нужно понимать типичное, остро поставил вопрос о необходимости развития такого жанра нашей литературы, как сатира, для того, чтобы бичевать все негодное, прогнившее, тормозящее наше движение вперед. Товарищ Маленков призвал писателей покончить со всякого рода халтурой, не давать народу произведений посредственных, серых.

Перед нами стоит задача создания нашей советской художественной классики. И это требует от нас неустанной борьбы за высокое идейно-художественное качество советской литературы, воспитания в деятелях литературы глубокого, всеохватывающего мировоззрения наших учителей Ленина и Сталина, воспитания подлинного мастерства и связанных с этим навыков труда, учебы у классиков, повышения общего уровня знаний. Наша задача — это прежде всего задача воспитательная. А настоящее воспитание невозможно без развертывания критики и самокритики, невзирая на лица, и, прежде всего, критики снизу. Нельзя также правильно воспитывать литераторов, если не разоблачать перед ними чуждых, антиленинских взглядов, если не прививать им навыков высокой бдительности.

Программа нашей деятельности подтверждена в тяжелые для нас дни прощания с товарищем Сталиным. Она подтверждена в речах руководителей нашей партии и правительства с трибуны Красной площади. Речи товарища Маленкова, товарища Берия и товарища Молотова показали нерушимость внешней и внутренней политики Советского Союза.

Народ наш будет неуклонно итти вперед, выполняя программу построения коммунизма в нашей стране, руководимый испытанной в боях, воспитанной и закаленной Лениным и Сталиным Коммунистической партией Советского Союза. Решения Совместного заседания Пленума Центрального Комитета КПСС, Совета Министров Союза ССР, Президиума Верховного Совета СССР и решения Верховного Совета СССР подчеркнули эту незыблемость нашей политики, нашу силу и уверенность в поступательном движении нашей страны.

Перед советской литературой раскрыта совершенно ясная дорога. Но при осуществлении наших задач мы будем встречаться, как и раньше, с ожесточенным сопротивлением наших врагов и идейных противников извне и внутри страны.

Мы должны разбираться в том, какие методы применяют наши идейные противники, чтобы приспособиться к ясным указаниям партии в области литературы и использовать их в своих интересах.

За последние годы мы идейно разгромили ряд антиленинских течений в литературе, которые не имели и не могли иметь массового распространения, но причиняли и еще могут причинять серьезный вред нашему литературному развитию.

Мы разгромили антипатриотическую группу безродных космополитов-низкопоклонников. Еще не вполне разбираясь в подлинном лице этого противника, мы нанесли ему удар на XII пленуме Союза писателей в 1948 году. Наша партийная печать научила нас правильно понимать это течение, как антипатриотическое, показала на связь этих людей с идеологами космополитизма на Западе. Мы с честью провели борьбу с идеологией космополитизма, ведем и будем вести ее дальше.

Было бы наивным думать, что не осталось представителей этой идеологии в нашей литературной среде. Да, они могут возникать и вновь, поскольку существует капиталистическое окружение нашей страны и стран народной демократии, поскольку существует империализм и империалистическая идеология.

Мы проводили и проводим борьбу против буржуазного национализма. Мы сталкивались с проявлениями буржуазного национализма и на Украине, и в Казахстане, и в Эстонии. Мы сталкивались и сталкиваемся с еврейским буржуазным национализмом.

В наше время буржуазные националисты по своему корню мало чем отличаются от космополитов, потому что и те и другие являются наемниками иностранного капитала и работают на него, но только делают это под националистическим флагом.

Мы разгромили формалистическое течение в литературе. Формалистическое течение тоже не является безобидным. Оно, во-первых, очень характерно для многих идеологов вышеназванных течений. Во-вторых, по своей сущности, по своей природе, это формалистическое течение призвано к тому, чтобы выхолостить нашу идеологию, коммунистическое содержание нашей литературы, под флагом борьбы за «чистое искусство», за чистую форму.

Политический вред формалистического течения в наши дни особенно наглядно виден на пресловутой теории «бесконфликтности» в драматургии. В самом деле, какая «безобидная» теория на первый взгляд! Была, мол, раньше драматургия, сюжет которой строился на конфликте, а советская будет бесконфликтной по своей форме. И даже «теоретический» базис подведен: тогда было, мол, классовое общество, а сейчас, дескать, бесклассовое. И даже есть видимость формального «новаторства».

На деле же эта глубоко враждебная теория является отражением в литературе теории «затухания классовой борьбы».

Мы нанесли очень серьезный удар и по тому течению, которое в свое время было охарактеризовано как «новорапповское» течение («Правда» от 30 марта 1950 года). У некоторых из нас есть еще представление, будто бы среди разных антиленинских течений это «новорапповское» течение менее опасно, чем другие течения, враждебные ленинско-сталинскому мировоззрению.

Жестокое заблуждение! Это течение потому и названо «новорапповским», что оно воскрешает идеологию и методы давно уже осужденной РАПП. Характерным проявлением этой идеологии является комчванство. «Коммунистическое чванство — значит то,— учил нас Ленин,— что человек, состоя в коммунистической партии и не будучи еще оттуда вычищен, воображает, что все задачи свои он может решить коммунистическим декретированием». Эта антиленинская субъективистская идеология в литературе сопровождается нежеланием учиться, пренебрежительным нигилистическим отношением к классическому наследству, нигилистическим ниспровержением классического наследства, утверждением, что принадлежность к социалистическому реализму (рапповцы говорили — к «методу диалектического материализма» в литературе) само по себе делает произведение писателя высокохудожественным. Самым опасным в новорапповском течении является его сектантство, противопостав-

(Окончание на 4-й стр.)

ВИВА, ТОЛЬЯТТИ!

В эти дни трудящаяся Италия, сторонники мира во всем мире отмечают 60-летие вождя итальянского народа, генерального секретаря Коммунистической партии Италии Пальмиро Тольятти. В эти дни по всей Италии проводились торжественные заседания, митинги.

Пальмиро Тольятти

Итальянские трудящиеся дали отпор попыткам реакционных властей воспрепятствовать проведению митингов и собраний по случаю 60-летия Пальмиро Тольятти. Например, в Морано-Калабро (провинция Калабрия) полиция попыталась сорвать митинг местного населения, собравшегося, чтобы отметить 60-летие вождя итальянского народа. Митинг, однако, состоялся. После его окончания полицией были арестованы активисты местной организации компартии. В ответ на эту провокацию был тут же организован народный митинг протеста, во время которого 42 человека подали заявление о приеме в коммунистическую партию.

Плотный, среднего роста, подвижной человек, с густой, уже седеющей шевелюрой, с умными черными глазами за стеклами очков, с твердыми, но всегда готовыми сложиться в улыбку губами — таков облик Пальмиро Тольятти. Его знают миллионы людей не только в Италии, но и во всех странах мира, где имя Тольятти произносят с уважением и любовью, как имя одного из крупнейших деятелей международного рабочего движения.

— У нас он сталинской выучки, ленинской школы,— сказал нам как-то в Венеции коммунист-стеклодув из Мурано, и в этих словах проявилось главное, что характеризует отношение простых рабочих людей к Тольятти: глубокое уважение к нему, как к человеку и вождю, сыновняя любовь к нему, как к товарищу по партии и отцу по опыту жизни!

Изъявления этой любви вы видите в Италии на каждом шагу. Митинги, на которых выступает Тольятти, превращаются в поистине народные многотысячные собрания людей доброй воли, для которых не безразлична судьба их родины. Именно в Коммунистической партии Италии они видят главную силу в борьбе за национальную независимость и свободу страны, за мир и демократию, за счастье народов.

В дни всенародных манифестаций можно в течение многих часов ехать по дорогам Италии десятки и сотни километров — из города в город, из села в село, — и всюду вы видите портрет человека, к которому несутся приветственные возгласы тысяч и тысяч людей:

— Вива, Тольятти!

Омываемая голубыми теплыми морями, укрытая с севера Альпами, залитая солнцем, Италия как бы самой природой предназначена для того, чтобы быть прекрасным, вечно зеленым садом, местом радости и счастья для всех людей. Увы, вместо этого Италия, едва ли не больше любой другой западноевропейской страны, вот уже много лет (вернее, столетий!) является страной горя, тревоги и нищеты. И не залитая солнцем радостная земля, не виноградники, не оливковые или апельсиновые рощи, не пальмы на юге и не голубые заливы вспоминаются прежде всего, когда мы думаем об Италии. Отсталый, полуфеодальный юг страны с голодной армией батраков и испольщиков, хищничество промышленных и финансовых монополий на севере, обрекающих миллионы рабочих и служащих на беспросветную и голодную жизнь, политика правящих кругов, обрекающих страну на полное подчинение американскому империализму, реакционная антинародная деятельность Ватикана — вот что приходит на память прежде всего, когда думаешь об Италии, мысленно окидываешь взглядом ее от севера и до юга. И в этой стране, живущей тяжелой, тревожной жизнью, имя и деятельность Тольятти, поистине героическая борьба созданной им вместе с Антонио Грамши коммунистической партии, исполненная воли к борьбе и победе самоотверженная работа смелых, честных людей, являются светом более ярким, чем свет полдневного солнца, теплом более сильным и человечным, чем тепло всех морей, омывающих эту страну!

В Тольятти счастливо сочетаются качества вдумчивого ученого и пламенного трибуна, превосходного организатора и агитатора-пропагандиста, товарища и борца. Руководствуясь великим учением Ленина—Сталина, гениальной речью И. В. Сталина на XIX съезде КПСС, опираясь на всемирно-исторический опыт Коммунистической партии Советского Союза, Тольятти и его соратники мужественно и мудро организуют и воспитывают рабочий класс и широкие массы трудящихся Италии.

Кто из истинных патриотов Италии не примет, как голос собственного сердца, призыв Тольятти к борьбе против иностранного и прежде всего американского вмешательства в экономическую и политическую жизнь страны?

В чьей душе не отзовутся горькие и гневные слова Тольятти о том, что правящие круги и господствующие классы Италии чужды народу, что они стали орудием в руках американских империалистов, превратили жизнь миллионов простых итальянцев в тяжелое, поистине трагическое испытание их духовных и физических сил, их будущего?

Кто из честных людей Италии не согласится с характеристикой, которую Тольятти дал Ватикану, как международной реакционной силе, действующей против коренных интересов народа?

Кто не откликнется на его призыв бороться с провокаторами и зачинщиками новой войны?

Кому из простых людей не понятен призыв Тольятти к расширению и укреплению единства всех демократических сил страны?

Коммунистическая партия Италии и ее руководители завоевали любовь и доверие своего народа, ибо в их лице народные массы видят верных друзей Советского Союза и последователей великого учения Ленина—Сталина. Приветствуя своего вождя Пальмиро Тольятти в день его шестидесятилетия, итальянский народ гордится им, как стойким учеником Ленина и Сталина, испытанным другом Советского Союза, беззаветным защитником дела мира.

Дм. ЕРЕМИН

ЛИЛИПУТЫ БЕСЧИНСТВУЮТ

Есть такое выражение: каждый народ имеет тех правителей, каких он заслуживает. Трудно поверить в это фатальное утверждение, приглядываясь к действительности капиталистического мира. Что общего, например, между прекрасным французским народом и его правителями? Между ними пропасть. И в этом — трагедия Франции.

Народ великих энциклопедистов, народ Рабле, Бомарше, Вольтера, Гюго, народ Парижской Коммуны, народ Мориса Тореза и Фредерика Жолио-Кюри, народ патриотов движения Сопротивления, мужественных «франтиреров». На шее этого народа сидит кучка правителей, кучка лилипутов на теле великана, связанного по рукам и ногам «золотыми» веревками Уолл-стрита. Поистине зловещее зрелище!

Лилипуты бесчинствуют. Это именно они втоптали в грязь трехцветный флаг некогда независимой Франции со словами «свобода, равенство, братство». Благодаря их усилиям свобода окончательно превратилась в свободу подыхать от голода, равенство — в равенство с недобитыми боннскими эсэсовцами в рядах «европейской армии» и братство — в право гнить в братских могилах Вьетнама.

Лилипуты бесчинствуют. Газеты сообщили о разгроме помещения Всеобщей конфедерации труда. Арестован главный редактор газеты «Юманите», блестящий французский писатель Андрэ Стиль. Арестованы секретарь Всеобщей конфедерации труда Франции Люсьен Молино и Андрэ Толле. Выданы ордера на аресты Бенуа Фрашона и активного профсоюзного деятеля среди молодежи Марселя Дюрфиша. Производятся сотни обысков. Взламываются письменные столы. Звенят разбитые стекла. Париж в эти дни напоминает нам Нюрнберг и Мюнхен времен разгула гитлеровского фашизма.

Лилипуты всегда начинают бесчинствовать перед тем, как собираются совершить какую-нибудь очередную подлость против своего народа. Аресты произошли в день отъезда в Вашингтон французских министров во главе с премьером Мейером. Вот, дескать, мы какие — похлеще Аденауэра!

Андрэ Стилю будет предъявлено обвинение в посягательстве на «внешнюю безопасность государства». Лилипуты потеряли остатки совести. Благородный французский патриот Андрэ Стиль неутомимо, последовательно боролся и борется за истинную независимость Франции. Он не хочет, чтобы французские границы были открыты для гитлеровцев из Западной Германии. Он не хочет, чтобы на французские поля садились сотни и тысячи американских реактивных бомбардировщиков. Он не хочет, чтобы французские школы были превращены в казармы. Он требует, чтобы Франция была свободна и независима. Он говорит, что Франция принадлежит французам.

Если это—покушение на внешнюю безопасность государства, то что же такое защита внешней безопасности государства в понимании лилипутов? Вероятно, это — превращение Франции в плацдарм для нападения на Советский Союз, превращение некогда независимой Франции в колонию.

Но пусть лилипуты не обольщаются. Они стараются как можно крепче связать французский народ по рукам и ногам. Но народ жив, он борется. Он разорвет «золотые» веревки Уолл-стрита. Миллионы патриотов скажут свое веское слово. Андрэ Стиль брошен в тюрьму. Это произошло уже не впервые. Французский народ и на этот раз не даст в обиду своего писателя.

Советские люди протягивают руки мужественному коммунисту, борцу за мир, чудесному писателю Андрэ Стилю и говорят ему:

— Андрэ Стиль, мы вас любим. Будьте мужественны! Так же, как и вы, мы верим в прекрасное будущее Франции.

Валентин КАТАЕВ

ПОСЛЕ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА НАРОДОВ В ЗАЩИТУ МИРА

АНГЛИЙСКИЕ БУДНИ

Воззвание к общественности, принятое на днях комиссией Конгресса народов в защиту мира, которой поручено довести до сведения правительств пяти великих держав Обращение Венского Конгресса по поводу заключения Пакта Мира, совпало по времени с началом самой большой кампании за мир, какую когда-либо проводили в Англии борцы против угрозы новой войны.

17 мая в Манчестере созывается национальный Конгресс действий в защиту мира. До его открытия намечено провести районные конференции и митинги по всей Англии. Уже подготовлено проведение 70 митингов. На этих митингах британскому народу будут изложены цели предстоящего Конгресса и подробно рассказано, сколь велико значение действий в защиту мира.

Особенностью районных конференций, как заявляют в Английском комитете защиты мира, явится то, что все присутствующие смогут принимать участие в выборах представителей в Генеральный совет английских комитетов защиты мира и в исполнительные комитеты на местах.

В настоящее время Английский комитет защиты мира рассылает 20 тысяч приглашений общенациональным и местным политическим, религиозным и пацифистским организациям принять участие в Конгрессе действий. В тексте этих приглашений указывается на усиливающуюся с каждым днем угрозу миру и безопасности всех народов. Хотя опасность войны велика, говорится в приглашении, «ее можно предотвратить, если наши усилия, направленные к миру, будут еще большими».

Идея созыва Конгресса уже получила поддержку со стороны англичан, мужчин и женщин разных взглядов и вероисповеданий, членов различных партий и организаций.

На Венском Конгрессе, выступая в пользу заключения Пакта Мира между пятью великими державами, бывший генеральный секретарь национального союза железнодорожников Джеймс Фиггинс, недавно ушедший в отставку, подчеркнул, что колоссальные затраты на вооружение снижают жизненный уровень рабочего класса. Есть руководители профсоюзов, заметил он, которые, несмотря на неоднократные уроки последних лет, утверждают, что решение проблемы заключается в увеличении экспорта и снижении цен на экспортную продукцию. Однако это неизбежно повлечет дальнейшее сокращение производства товаров для населения и сужение внутреннего рынка, т. е. еще большее падение заработка рабочих, увеличение безработицы и углубление кризиса. «Правильное решение, — сказал Фиггинс, — заложено в политике мира».

Английский народ со все увеличивающейся энергией поддерживает требование о переговорах с целью заключения Пакта Мира. Недавно проведенный выборочный опрос показал, что 75 процентов населения желают встречи представителей Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Англии для переговоров за круглым столом. Только 9 процентов опрошенных высказались против встречи, а остальные 16 процентов — колебались в своем мнении.

Британский народ требует мира. Вопреки этому требованию правое крыло лейбористского руководства объявило, что принадлежность к организациям, борющимся за мир, а также к обществам дружбы с СССР и странами народной демократии — несовместимо с членством в лейбористской партии.

Пятьдесят восемь лейбористов, присутствовавших на Венском Конгрессе, подверглись преследованиям со стороны партийной верхушки. Многие из них были исключены из лейбористской партии, несмотря на протесты рядовых ее членов. Лейбористские вожаки всячески стараются заглушить голоса в защиту мира внутри самой партии.

Насколько, однако, тщетны эти попытки, можно судить по материалам, опубликованным газетой «Йоркшир войс оф пис» («Йоркширский голос мира»), которая начала выходить в Йоркшире. Газета сообщает о том, что некоторые старейшие и активные лейбористы подвергаются гонениям за свою деятельность на пользу дела мира. Так, например, госпоже Мэтьюсон из города Лидс, которая известна, как друг Кир Гарди, одного из основоположников лейбористской партии, угрожает исключение, ибо она приняла пост председателя лидсского комитета защиты мира. На это г-жа Мэтьюсон заявила: «...Я принимаю участие в лейбористском движении слишком много времени, чтобы отказываться от своих принципов по приказу людей из контор».

Другой лейборист с тридцатилетним стажем, Норман Дэви, был исключен из партии за поездку в Вену. В газете «Йоркшир войс оф пис» он излагает свои впечатления о Конгрессе народов в защиту мира: «Одна мысль была для всех ясна, несмотря на различие в политических взглядах. Существовало ясное понимание основных причин международного напряжения. Как часто можно было слышать такие слова: мы должны добиться, чтобы мирное сосуществование двух систем стало возможным».

Это говорят люди, преисполненные стремления предотвратить войну, требующие действия и еще раз действия для защиты мира и заключения Пакта Мира.

Сэм РЭФФЛ

ЛОНДОН, 27 марта.

(По телеграфу)

Stop Arguing About Prisoners of War! STOP THE KOREAN WAR!

94 CAPTIVES ASK PEACE

На этой репродукции мы видим сообщение о письме 94 американских и английских солдат, взятых в плен корейской Народной армией, которые обратились к американскому народу с призывом положить конец кровавой бойне в Корее. Слева от письма лозунг: «Довольно спорить о военнопленных! Прекратите войну в Корее!»

Репродукция из американской газеты «Голос ветерана в защиту мира»

КАРТИНЫ ЖИЗНИ

В Англии наших дней на каждом шагу можно встретить уродливые картины жизни. Они, прежде всего, результат гонки вооружений, из-за которой непрестанно ухудшается положение трудящихся масс, растет безработица, нищета и люди оказываются на грани голодной смерти. О гримасах повседневной английской действительности рассказывают фотоснимки, помещенные ниже.

Перед нами—семья безработного моряка британского торгового флота Чарли Силифа. Силиф живет в Ливерпуле — одном из крупнейших портовых городов Англии. С 1945 года он не может найти работу. Семеро его детей знают лишь нужду и голод.

Фотография Чарли Силифа и его семьи была напечатана в английской газете «Рейнольдс ньюс».

Дело в том, что Силиф написал в редакцию «Рейнольдс ньюс» следующее письмо:

«Единственное ценное, что у меня осталось, — это глаза. Поэтому я со всей искренностью делаю предложение: я готов отдать свои глаза любому слепому человеку в обмен на малейшее, даже самое незначительное улучшение условий существования моих детей».

В этом страшном предложении человека, который многие годы тщетно искал работы, возможности прокормить большую семью и пришел к выводу, что иного выхода нет, — газета «Рейнольдс ньюс» увидела «сенсацию» и только поэтому опубликовала фотографию и описание судьбы Силифа на первой странице.

Корреспонденту газеты Чарли Силиф заявил:

«Это серьезное предложение. Я сделал его не в порыве отчаяния, а после долгого обдумывания.

Я моряк торгового флота... Но ни на море, ни на суше для меня нет работы. Нигде я не могу найти ее. Все время меня волнует и мучает мысль о судьбе моих семерых детей. Я хочу вытащить их из этих трущоб, хочу, чтобы у них было более светлое существование. Я не желаю, чтобы они росли, как маленькие гангстеры.

Недавно я прочитал о больших успехах медицины, благодаря которым можно произвести пересадку роговой оболочки глаза слепому человеку. Глаза у меня хорошие. И я готов пожертвовать своими глазами ради лучшего будущего для моей семьи. Быть может, найдется слепой человек, который возьмет мои глаза и даст моим детям возможность обрести лучшую жизнь».

Улица Пиккадилли. Центр Лондона. Инвалид войны пением песенок тщетно пытается заработать на пропитание...

Снимок из журнала «Свят»

Некоторые вопросы работы Союза писателей

(Окончание. Начало на 2—3 стр.)

ление коммунистов беспартийным, подмена задач воспитания писателей окриком и администрированием, заушательскими методами критики в противоположность критике воспитательной.

«Новорапповцы» извращают ленинский принцип партийности литературы. Партийность литературы, в понимании ее «новорапповцами», доступна только членам партии, коммунистам, людям, которые в силу своей партийной принадлежности будто бы только и могут овладеть методом социалистического реализма.

Это не отвечает действительному положению дел в литературе и ставит своей целью оторвать, отбить беспартийные кадры литературы от партии.

Напомню названную статью «Правды» «Против опошления литературной критики». «Однако еще и до сих пор среди наших литературных критиков,— писала «Правда»,— встречаются люди, подменяющие в своих статьях настоящую, большевистскую критику заушательской, вульгарной «критикой», чуждой духу нашего общества и приносящей не пользу, а вред.

К числу таких критических выступлений принадлежит статья А. Белика «О некоторых ошибках в литературоведении», напечатанная в № 2 журнала «Октябрь» за 1950 год. Эта вредная и путаная статья не имеет ничего общего с большевистской литературной критикой».

И далее «Правда» писала: «...Невежественный и недобросовестный критик А. Белик, не задумываясь, переносит ленинскую оценку буржуазной литературы на советскую литературу. «Ведь и по сей день,— пишет он,— в сознании некоторых литераторов не искоренены еще пережитки торгашеских отношений, бюрократизма, элементы карьеризма».

Такой вульгарный, в корне неправильный взгляд определяет недоброжелательное, заушательское отношение А. Белика к советским литераторам».

Само собой разумеется, что в условиях все растущего сплочения писателей, партийных и беспартийных, вокруг партии под знаменем Ленина — Сталина, в условиях, когда XIX съезд партии поставил перед всеми писателями задачу борьбы за высокое идейно-художественное качество, «новорапповское» течение, как и все другие враждебные течения, будет оказывать нам сопротивление.

При всех различных оттенках этих течений в наше время они все чаще дуют в одну дуду, заимствуя методы друг у друга, неутомимо «работая» в литературной среде, на собраниях, в кулуарах, маскируясь, подлаживаясь, а на деле пытаясь в меру своих силенок исказить и дискредитировать правильные указания партии.

Так проповедник космополитизма А. Гурвич в статье «Сила положительного примера» по «новорапповскому» способу зачеркнул всю художественную классику, прикрывшись «левой» фразой о том, что в классической литературе не было якобы положительных героев, и поднял на щит только одно произведение советской литературы для того, чтобы с его помощью разгромить все другие как «недостойные».

Так критик С. Трегуб, пытавшийся возродить печальной памяти традиции «Нового Лефа» (а «новолефовское» течение ничуть не лучше «новорапповского»), пытался использовать имя Маяковского для того, чтобы принизить советскую поэзию, за исключением небольшой группки поэтов. И очень характерно, что Трегуба в этих «новорапповских» методах борьбы поддерживали и некоторые представители формалистического течения в литературе.

Одним из наиболее распространенных способов ниспровержения советской литературы является огульное обвинение в «нехудожественности». Это, по сути дела, довольно старый способ, приспособленный к нашим дням: как бы ни было написано наше советское по духу произведение, каковы бы ни были его достоинства и недостатки, раздуваются только его недостатки, чтобы объявить произведение «не отвечающим» уровню требований, поставленных XIX съездом партии. И наоборот: если появилось какое-нибудь произведение, в котором существуют идейные недостатки или даже пороки, как в произведении Гроссмана, то вокруг него раздается хвалебный хор, его поднимают на пьедестал, чтобы в шуме этом не слышно было голосов правдивой критики.

Следует вдуматься, например, в смысл того, что произошло при первом обсуждении романа Гроссмана «За правое дело» на московской секции прозы. Люди, которых уже не раз наша общественность разоблачала, как проводников космополитических взглядов, подняли порочное произведение Гроссмана на пьедестал, а люди наивные и неопытные начали им поддакивать.

«Мне кажется, что новый роман Гроссмана будет панорамой нашей эпохи, не только Отечественной войны, но и эпохи социалистической»,—провозглашал на секции Л. Субоцкий.

«Гроссман может одной строчкой дать больше, чем некоторые братья-писатели на многих страницах», — говорил Г. Бровман.

А писатель А. Авдеенко, который, очевидно, не понимал того, что происходит на его глазах, заявил: «Что бы я ни делал, вся моя душа рвется к этому роману... У меня не хватает эмоций, умения, разумения, может быть, образования, чтобы оценить полностью эту книгу»... А вслед за этим он вполне в «новорапповском» духе попытался с помощью романа В. Гроссмана опорочить роман К. Симонова «Товарищи по оружию»... «Мне хотелось бы поставить рядом с романом Гроссмана роман Симонова, — говорил Авдеенко. — Ему (т. е. Симонову.—**А. Ф.**) невыгодно, что в номере 10 журнала печатаются эти два романа». И дальше Авдеенко назвал роман «Товарищи по оружию» «плоским, как монгольская пустыня», то есть огульно охаял произведение, не лишенное недостатков, но заслуживающее положительной оценки.

Да, мы стремимся правдиво и до конца вскрывать не только идейные, а обязательно и художественные недостатки в наших произведениях. Мы мечтаем о советской классике, о невиданном в истории художественном качестве литературы коммунизма. Именно поэтому мы развертываем критику и самокритику в наших рядах и будем развертывать ее и дальше, как бы ни обижались те или иные писатели.

Но наша критика — в отличие от критики наших врагов — это критика правдивая, разбирающая и достоинства и недостатки произведения, стремящаяся определить, приносит ли данное произведение пользу или вред обществу, и если пользу, то — какую, и что мешает данному произведению стать еще более значительной духовной ценностью для народа.

Никогда не было и не может быть писателей равного таланта и умения. Но наша марксистско-ленинская критика, как и критика наших предшественников — революционных демократов, должна находить место каждому полезному и честному работнику в общем хозяйстве.

У нас все еще слаба драматургия, что объясняется и недостаточным знанием жизни и тем, что мы еще мало учимся у классиков. Мне кажется, что наиболее плодотворной для наших драматургов является учеба у Горького, впервые в мировой драматургии выдвинувшего на сцену героя новых масс. Непревзойденный мастер лепки характеров, индивидуализированной, наполненной глубоким смыслом речи, Горький смело строил сюжет, позволявший ему выводить на сцену небывалое число действующих лиц. Он относился к себе с необыкновенной скромностью и неоднократно называл себя «слабым» драматургом. Он ошибался. Мне кажется, что нам, писателям, нужно больше учиться у великого драматурга Горького.

В последнее время обозначился некоторый перелом в драматургии. Появилось несколько хороших пьес, хотя и не без недостатков: А. Якобсона «Шакалы», «Ангел-хранитель из Небраски», А. Арбузова «Европейская хроника», Н. Погодина «Когда ломаются копья».

Я могу назвать еще несколько пьес, которые также имеют свои художественные недостатки, но имеют и достоинства, привлекшие к этим пьесам внимание зрителей. Я назову пьесы А. Софронова «В наши дни» и «Иначе жить нельзя», Г. Мдивани «Новые времена», А. Симукова «Девицы-красавицы», В. Губарева «Павлик Морозов», М. Карима «Друзья Шавкатова», А. Араксманяна и З. Вартаняна «Микаэл Налбандян».

Я хочу обратить ваше внимание на то, как к справедливой критике художественных недостатков этих пьес примешиваются чуждые голоса, стремясь дискредитировать эти пьесы в глазах зрителя и пустить их под откос.

Так, например, в журнале «Новый мир» (№ 10 за 1952 год) появилась рецензия В. Комиссаржевского на пьесу А. Софронова «Иначе жить нельзя», рецензия, которая начисто отрицает пьесу Софронова: «Пьеса показалась мне рассудочной и риторичной, написанной без должного волнения, без интересных характеров, без настоящего знания описываемой страны». Я не могу согласиться с такой оценкой. В пьесе Софронова имеются серьезные художественные недостатки, справедливо отмеченные К. Симоновым в статье «Глубокое и поверхностное» («Литературная газета» от 12 февраля 1953 года). Но Симонов верно отметил в пьесе Софронова и целый ряд удавшихся автору образов. Со своей стороны я особенно хочу подчеркнуть удачу Софронова в изображении рабочего Шольца, очень типичного для современной Германии и верно обрисованного автором.

Пьеса поставлена в Малом театре и, как другие пьесы, названные мною, вполне заслуживает того, чтобы итти в театрах страны. А Комиссаржевский не только изничтожает пьесу Софронова, а предпринимает все меры к тому, чтобы и театры не ставили эту полезную пьесу. «...Если пьеса плоха, все равно, ничего путного из этого занятия не получится, как бы режиссер и актеры ни пытались ее спасти»,— пишет он о пьесе Софронова.

Вот такую критику я считаю не советской критикой. Она не воспитывает драматурга, а ломает ему ноги.

Вряд ли можно подозревать нашу «Литературную газету» в том, что она склонна подыгрывать «новорапповскому» течению. И, однако, в передовой статье «Литературной газеты» от 19 марта 1953 года имеются высказывания, которые «новорапповцы» могли бы использовать, как свою платформу.

Не называя ни произведений, ни людей, дававших неверную оценку произведениям, «Литературная газета» пишет: «Крупные идеологические ошибки и извращения, имевшие место в некоторых произведениях, опубликованных в последнее время, свидетельствуют о притуплении бдительности в Союзе советских писателей»... Чтобы «напужать» еще больше, газета утверждает, что «за «красивой» фразой, за удачно написанным эпизодом, многие (многие! — **А. Ф.**) наши ведущие писатели и критики не умели различить идейную гниль, извращение нашей действительности...».

Здесь все преисполнено намеков: непонятно, почему роман Гроссмана назван «некоторыми произведениями», почему не сказано, кто именно ошибся в оценке этого произведения, а говорится вообще «о притуплении бдительности в Союзе советских писателей». У кого же притупилась бдительность — у всех ли трех с лишним тысяч писателей Советского Союза, или у его руководства, или у тех самых «многих наших ведущих писателей и критиков»?

Не поставив и не развив в этой статье главной задачи—борьбы за высокий идейно-художественный уровень литературы и улучшение в первую очередь идейно-воспитательной работы в Союзе писателей,— «Литературная газета» утверждает, что наша советская литература должна расти «на основе отсечения от нашей литературы всего гнилого и враждебного».

Отсекать гнилое и враждебное нам, действительно, необходимо. Но это возможно только на основе большой идейно-воспитательной работы как раз с теми «многими» писателями и критиками, которых совершенно напрасно «пужает» передовая «Литературной газеты».

Отдельные товарищи спрашивают: «Вот вы назвали некоторые из враждебных нам течений в литературе, какое же из них все-таки наиболее опасно?» На это можно ответить так: наиболее опасны те течения, с которыми ослабляют борьбу. Мы полиберальничали в отношении А. Гурвича, В. Гроссмана, и это послужило к некоторому оживлению космополитов, буржуазных националистов. Но мы, к примеру, не даем должного отпора «новорапповцам», и они тоже испытывают оживление и тоже могут представлять для нас известную опасность.

Надо не давать спуска ни космополитам, ни буржуазным националистам, ни формалистам, ни новорапповцам, ни всяким другим антиленинским течениям в литературе.

У нас есть чудесная программа работы, которую дал нам XIX съезд партии. Она подтверждена в речах товарища Маленкова, товарища Берия, товарища Молотова на Красной площади перед лицом всего мира. Нами руководит испытанная Коммунистическая партия Советского Союза во главе с ее Центральным Комитетом. У нас есть все необходимые условия для того, чтобы воодушевить советских писателей новыми задачами и повести их вперед под знаменем партии. И мы создадим советскую художественную классику, которой народ — строитель коммунизма—будет гордиться.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б00826.